

Наталья Евгеньевна Борохова
Адвокат амазонки
Серия «Адвокатский детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433042
Наталья Борохова. Адвокат амазонки: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45102-9

Аннотация

На первый взгляд виновность Виталия Бойко не вызывала сомнений. Врач втерся в доверие к смертельно больной актрисе Веронике Песецкой, влюбил в себя и женился на ней. А вскоре убил супругу, сделав смертельную инъекцию, чтобы получить богатое наследство... Однако адвокат Елизавета Дубровская поверила: Виталий искренне полюбил несчастную Веронику, но даже его чувства не смогли остановить женщину от самоубийства. Теперь Дубровской придется убедить в этом суд присяжных, с которым она столкнулась впервые в своей практике. В отличие от опытного прокурора, твердо решившего доказать, что на скамье подсудимых мошенник и убийца!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Борохова

Адвокат амазонки

Глава 1

Это началось ясным мартовским утром, когда за окнами отчаянно звенела первая весенняя капель. Елизавета Дубровская завтракала на кухне в обществе своего мужа и, отхлебывая из чашки уже остывший чай, вяло соображала. Сколько лет она замужем? Неужели только шесть? Много это или мало? Много, если учесть, что ей уже тридцать и она еще не обзавелась детьми. С другой стороны, шесть лет – не срок для того, чтобы превратиться в старозаветную пару и сидеть за столом молча. Андрей был погружен в чтение газеты и словно даже не замечал, что с ним рядом находится молодая и интересная женщина, которая нуждается в его внимании больше, чем кто-нибудь из его партнеров по фармацевтическому бизнесу. Но Андрей Сергеевич был не способен оторваться от газетных столбцов, улыбнуться ей или даже просто протянуть через стол свою руку для дружеского пожатия. Он даже пару раз промахнулся, пытаясь попасть вилкой в яичницу. Это явно указывало на то, что проблемы его милой жены представлялись ему куда более далекими, чем политическая ситуация на Ближнем Востоке.

Дубровская делала вид, что просматривает свои бумаги. Правда, вместо этого она исподтишка изучала сосредоточенное лицо мужа и гадала, уделит ли он ей несколько минут своего драгоценного времени, или же ей придется ехать на работу, кинув ему напоследок дежурное: «Пока!»

Она пару раз демонстративно вздохнула, брякнула ложкой по блюдцу. Никакого результата! Оставалось гадать, не объявилась ли у них в Палестине парочка родственников, судьба которых сейчас не дает покоя ее супругу. Отчаявшись привлечь его внимание, Лиза просто бросила ему через стол сложенный вчетверо тетрадный лист.

– Мне хочется знать, что ты об этом думаешь, – сказала она.

Супруг покосился на неопрятную бумажку, но газету все-таки отложил. Его мать могла гордиться сыном. Андрей с детства был приучен внимательно относиться к женским просьбам.

Он развернул лист.

– «Уважаемая Елизавета Германовна! Вы – моя последняя надежда», – прочел он и тут же брезгливо сморщился. К аромату кофе явно примешался какой-то посторонний отвратительный запах. Нетрудно было догадаться, что его источником было письмо.

– Господи! Несет, как из помойки. Где ты это взяла, Лиза?

Дубровская нетерпеливо махнула рукой:

– Ты читай, читай!

– Могла хотя бы подождать, когда я закончу есть, – обиженно пробормотал супруг и погрузился в чтение письма.

«Уважаемая Елизавета Германовна! – бежали вниз торопливые строчки. – Вы – моя последняя надежда. Меня обвиняют в убийстве жены, которого я не совершал. Ника свела счеты с жизнью. Это было ее решение. Само предположение, что я могу быть причастен к ее смерти, – нелепость, ведь она – единственная женщина, которую я любил и продолжаю любить до сих пор. Я очень рассчитываю на вашу помощь и буду искренне признателен, если вы не оставите мое письмо без ответа. Но вы – успешный адвокат, и если вам не захочется взять на себя мою защиту, зла на вас держать я не буду. На всякий случай... меня зовут Виталий Бойко».

Дубровская могла цитировать письмо наизусть, но ей хотелось знать, что думает обо всем этом ее супруг. Андрей не спеша отложил бумагу в сторону.

– Что же, ты становишься популярной, – произнес он весьма бесцветно. – Мои поздравления.

– Это все, что ты можешь мне сказать?! – удивилась Лиза. Она была вправе рассчитывать на нечто большее, чем этот скупой комментарий, в котором даже поздравления казались ей неестественными и сухими.

– А что ты хотела услышать? – поднял бровь Андрей. – Это дело вполне в твоем вкусе. Не нужно быть провидцем, чтобы предсказать, чем ты будешь заниматься ближайший месяц. Конечно, ты сломя голову кинешься на помощь этому Бойко. К тому же всегда приятно, когда тебя причисляют к разряду «успешных адвокатов».

– А у тебя есть какие-то возражения на этот счет? – возмутилась Лиза. Она уже жалела о том, что продемонстрировала мужу адресованное ей письмо, ведь ей было известно наперед все, что он скажет.

– Ты – замечательный адвокат, – подтвердил муж, но в его устах признание ее заслуг почему-то не звучало как комплимент. – Ты могла бы добиться успеха, если бы дела, которыми ты занимаешься, приносили тебе пользу...

– ...материальную, – язвительно продолжила Дубровская.

– А почему бы и нет? – удивился супруг. – Адвокат живет за счет своих клиентов, и его труд должен хорошо оплачиваться. Ты уже отдала свой долг обществу, восемь лет защищая сирых и убогих. Сейчас ты встала на ноги, обзавелась собственным офисом. Теперь ты можешь диктовать свои условия и подбирать для себя достойных клиентов.

– Таких, которых нашел для меня ты, – заметила Лиза, имея в виду известного бизнесмена Лыкова, которого направил к ней супруг неделю назад. Речь шла о крупном бракоразводном процессе, где разделу подлежало совместно нажитое супругами имущество, стоимость которого исчислялась десятками миллионов рублей.

– Не знаю, чем тебе не нравится Лыков, – поджал губы Андрей, словно читая мысли своей второй половины. – Во всяком случае, он никого не убил. Он всего лишь желает оставить при себе свой бизнес и немного умерить аппетиты жены, которая некогда вышла за него замуж по расчету. В конце концов, он готов оплачивать твои услуги. В письме, которое ты получила, смею заметить, о финансовой стороне дела не сказано ни слова. Должно быть, этот Бойко рассчитывает, что ты будешь заниматься его делом исключительно из собственного интереса.

Андрей был абсолютно прав, и у Дубровской мелькнула мысль, не хитрил ли автор письма, причисляя ее к сообществу «успешных адвокатов», с расчетом не платить за ее работу. Конечно, многие коллеги считали ее женщиной состоятельной. Как-никак она была женой Андрея Мерцалова, «мистера Анальгина», как называли его некоторые. Андрей возглавлял крупную фармацевтическую компанию и считался успешным бизнесменом от медицины. Он занимался производством и продажей лекарственных и химических препаратов, духов, витаминов, лосьонов; владел целой сетью аптек и медицинским центром. Мерцалов отлично знал свое дело и без труда мог бы читать лекции по технологии производства любого из своих товаров: от антикоррозийной пленки до современных чудо–пилюль против рака. Все, к чему бы он ни прикасался на протяжении последних десяти лет, было обречено на успех и сулило немалую финансовую выгоду. Понятно, что при своем достатке он мог бы позволить жене заниматься всем, чем она пожелает. Он не упрекал бы ее даже в случае, если бы она вела светскую жизнь: ходила бы на приемы и вечеринки, просиживала дни напролет в салонах красоты, спускала его деньги в модных бутиках. Это было бы, по крайней мере, объяснимо и традиционно для людей его круга. Но Мерцалов не мог взять в толк, откуда у Елизаветы взялась такая странная тяга к загадкам и расследованиям. Причем чем хитроум-

нее была задача, тем азартнее становилась его жена, направляя потоки колоссальной энергии на защиту человека, в карманах которого зачастую гулял ветер. С экономической точки зрения это было крайне невыгодно, если вообще не глупо. Мерцалов считал бездумным растрачивать бесценный юридический дар супруги на дела, подобные предложению этого прохвоста Бойко. Об этом он не стеснялся ей говорить, особенно в последнее время, когда Елизавета благодаря его стараниям стала хозяйкой собственного адвокатского офиса.

– Я не отказываюсь вести дело Лыкова, – словно оправдываясь, говорила Дубровская. – Оно тоже по-своему интересно, но мне нужно нечто большее, чем определение долей супругов в совместно нажитом имуществе. Я люблю интригу, захватывающие повороты расследования.

– И это ты рассчитываешь получить здесь? – скептически произнес Андрей, кивая на отброшенное в сторону письмо. На его взгляд, он обеспечил жене просто фантастические повороты сюжета по разделу бизнеса между супругами. Бог весть, почему она занимается этим с такой неохотой?

Вместо ответа Дубровская взяла письмо Бойко и вдохнула в себя отвратительный запах желтоватой бумаги в клеточку.

– Оно написано в следственном изоляторе, – пояснила она с таким выражением, словно пыталась определить обонянием компоненты самых изысканных духов. – Автор письма – человек, безусловно, воспитанный и интеллигентный. Это можно понять по стилю письма и безукоризненной грамотности. Все знаки препинания находятся на своих местах. Должно быть, он получил высшее образование. Бойко определенно не занят в бизнесе, обладает средним достатком. Вероятно, у него нет детей или других родственников, которым была бы интересна его судьба. Он – человек творческой профессии, увлекающийся, страстный по натуре. Скорее всего, ему где-то в районе тридцати лет.

Андрей хмыкнул, словно аналитические способности жены не произвели на него никакого впечатления.

– Берешь пример с Шерлока Холмса? – спросил он. – А что ты скажешь на то, что твоему Виталию Бойко двадцать восемь лет? Он окончил медицинский институт и работает по специальности врачом в окружном онкологическом диспансере. Посредственный специалист без научных званий и прочих регалий. Более года назад он заключил скоропальный брак с актрисой Вероникой Песецкой, женщиной состоятельной, но очень больной. На настоящий момент этого прохвоста Бойко обвиняют в убийстве жены, и, на мой взгляд, небезосновательно.

Произнеся эту маленькую речь, Мерцалов, весьма довольный собой, откинулся на стуле. Он ожидал реакции Елизаветы.

Дубровская схватила письмо и, часто моргая, уставилась в неровные строчки, написанные стремительным почерком. Она поворачивала лист так и эдак, но все равно не смогла взять в толк, откуда Андрей взял такие сведения. Может, она что-то пропустила?

– Ты шутишь? – спросила она подозрительно.

Насладившись произведенным эффектом, Андрей кинул ей газету, которую изучал полчаса назад.

– Читай, там все написано, – сказал он.

Заголовок статьи на третьей странице был набран крупным жирным шрифтом: *«Врач-убийца ждет возмездия...»*

«Врач... Слово короткое и емкое, включающее в себя нашу боль и нашу надежду. Человек, который первым приветствует наше появление в этом мире, заботится, лечит, предостерегает. Он причиняет боль только для того, чтобы предотвратить большее зло: искоренить опасную болезнь, спасти нас, вытащить с того света, сказать слова утешения, если надежды уже нет.

Можно ли поступить более цинично по отношению к этому святому долгу, кроме как использовать свои знания и умения для того, чтобы умышленно лишить человека жизни? Врач окружного онкологического диспансера Виталий Бойко знает ответ на этот вопрос. Сталкиваясь каждый день с болью и жалобами людей, сраженных страшным недугом, он быстро осознал, что путь к богатству и благосостоянию тянется не по больничному коридору. Но, как человек предприимчивый и энергичный, он сделал ставку на удачу и... не прогадал. Его жертвой стала сорокалетняя актриса и бизнес-леди Вероника Песецкая, которую молодой врач приметил среди пациентов диспансера. Не являясь лечащим врачом женщины, Бойко тем не менее сумел завоевать ее расположение и доверие. Онкологический диспансер – место не самое типичное для любовных романов между пациентом и врачом. Однако за головокружительной love-story Бойко наблюдал медицинский персонал учреждения и даже некоторые пациенты. Ловкому молодому повесе потребовалось около четырех месяцев, чтобы «окрутить» невесту, и еще месяц для того, чтобы заключить с ней брак и позаботиться о завещании в свою пользу. Почему такая разумная и здравомыслящая женщина, как Вероника Песецкая, стала жертвой любовной авантюры, остается только догадываться. Увы! Сама она об этом уже не расскажет. Пять месяцев назад Вероника скончалась от смертельной инъекции у себя дома. Поначалу причиной ее смерти считали самоубийство. Женщина находилась в серьезной стрессовой ситуации, вызванной обнаруженным у нее заболеванием – раком. Проведенная операция по удалению груди лишь только усугубила душевный кризис пациентки. В эту драматическую пору жизни актрисы рядом с ней оказался человек холодный и расчетливый, который решил извлечь массу пользы для себя лично. Виталий Бойко ввел потерпевшей смертельную дозу инсулина и стал наследником состояния, оставшегося после смерти Песецкой. Однако родственники и знакомые Вероники, как, впрочем, и работники правоохранительных органов, ведущих расследование по делу, надеются на суровый приговор для врача-оборотня».

Дубровская дочитала заметку и перевела дух.

– Ну, как? – насмешливо осведомился супруг. – Тебя еще не тошнит?

– На первый взгляд все выглядит отвратительно, – подтвердила Лиза. – Убийство беззащитной женщины, сраженной раком, – само по себе событие возмутительное. Но если представить себе, что его совершает злодей в белом халате, а по совместительству еще и муж пациентки, – это уже сенсация. Общественное мнение без боя переходит на сторону обвинения.

Мерцалов внимательно поглядел на жену. Что-то в ее взгляде говорило ему о том, что она беседует с ним не совсем искренне. Может, всему виной были золотистые искорки веселья, которые плясали в ее темных глазах, когда она улыбалась?

– Только не говори мне, что уже видишь в этом деле другую, светлую сторону, – предупредил он ее. – Не понимаю только, откуда у вас, адвокатов, такое неистребимое желание говорить все наоборот? Называть черное белым?

– Наверняка это потому, что истина всегда находится где-то посередине, – улыбнулась Дубровская. – В любом споре всегда нужно выслушать обе стороны. Заметку в газету писали точно под диктовку прокурора. Версией Бойко никто интересоваться не стал.

– У тебя в руках письмо этого прохвоста, – напомнил Андрей. – Что-то мне не кажется, что он спешит раскрыть тебе душу. Может, он рассчитывает на то, что тебе удастся за него придумать что-то мало-мальски похожее на правду?

– Виталий надеется на личную встречу. Зачем исповедоваться адвокату, который еще не решил, возьмет он на себя защиту или нет?

– И ты собираешься с ним встречаться? – со священным ужасом в глазах спросил Мерцалов. – Господи, Лиза, ты пойдешь к нему в тюрьму?

Дубровская вздохнула.

– Напомню тебе, что по роду своей работы я только и хожу в тюрьму к ворами, разбойникам, насильникам и убийцам, – просто сказала она. Ее всегда веселило непонимание, с которым некоторые люди, включая ее собственного мужа, относились к профессии адвоката. *«Ну, скажи, как ты можешь защищать такого подлеца?»*, *«Неужели у всех адвокатов такие расплывчатые моральные принципы? Какой ужас!»* Странно, но никто не спрашивает врача, как он может лечить заразного пациента; приятно ли ему осматривать гнойные раны, изучать содержимое ночной посуды. Есть издержки профессии, с которыми приходится считаться.

– Я – тоже по специальности врач, – словно отвечая на мысли жены, пояснил Андрей. – Не обнаружив в себе ни сил, ни желания лезть руками под потные рубашки, я нашел себе нишу, в которой прекрасно себя чувствую. При этом – заметь! – я помогаю людям.

– Ты предлагаешь и мне найти такую нишу?

– Разумеется! Тебе вовсе не обязательно дышать вонью следственных изоляторов. Есть немало дел в юриспруденции, на которых можно делать деньги. Это высококвалифицированный, интеллигентный труд. Это тебе не какая-нибудь там «Мурка» с выходом! Займись гражданскими делами, арбитражем, наконец. Сбрось к черту всю эту блатную романтику!

– Я уже слишком взрослая, Андрей. И романтика здесь совсем ни при чем. Мне просто нравится этим заниматься.

– Не говори ерунды, Лиза. Тебе хочется защищать этого проходимца, который ради дома, спального гарнитура и дюжины серебряных ложек убил несчастную женщину? У тебя это вызывает интерес? Опомнись!

– Я не первый год работаю адвокатом, – строго напомнила Дубровская. Ей не нравилось, когда ее увлеченность путали с болезненной манией. – Я знаю, о чем говорю. Помнишь писательницу Данилевскую, которую судили за убийство лучшей подруги? Якобы женщины не смогли поделить одного мужчину? Какая нелегкая задача стояла передо мной тогда: убедить всех, кто еще до суда вынес свой приговор, в том, что писательница невиновна. А как выглядел в глазах публики известный адвокат Лещинский, в постели которого обнаружили задушенную секретаршу? Какой нелепой казалась всем его линия защиты: девушку-де задушил кто-то другой, кто во время их занятий любовью прятался под кроватью. Да все смеялись ему в глаза. Надо же придумать такое! А дело бедного альфонса Димы Сереброва, обвиняемого в убийстве немолодой, но богатой жены? Забыл? А дело Аркадия Соболева, презренного насильника, который, оказывается, никого не насиловал? Ты помнишь?

– Я помню, помню. Не понимаю только, зачем ты мне сейчас о них говоришь? У нас что сегодня, утро воспоминаний? – раздраженно бросил Андрей. Его жена почитала всех этих людей, как близких родственников. Он удивлялся, почему она до сих пор не украсила их портретами стены своего офиса.

– Я говорю тебе о них сейчас как о людях невинных, имена которых еще до суда смешали с грязью. Где гарантии того, что Виталий Бойко не станет членом их команды?

– Тебя послушать, так все, кого привлекают к ответственности, невиновны! Насколько я помню, обвинительных приговоров в твоей копилке было на порядок больше.

– Да, это так! Но это не повод, чтобы называть человека преступником еще до суда. По крайней мере, во всем этом нужно разобраться...

Дубровская не заметила, что голос ее звучит громко и звонко, как под сводами Дворца правосудия. Защитительная речь, произнесенная на кухне среди чайников и прихваток, выглядела нелепо.

– Похоже, я зря теряю время, пытаюсь толковать прописные истины человеку, который не собирается учиться грамоте, – фыркнул Андрей, бросая на стол салфетку. – Вольному воля! Но не считай, что я буду оплачивать из своего кармана содержание твоего адвокатского офиса. Если мне захочется заняться благотворительностью, я лучше перечислю деньги на счет детского дома.

– Я это учту, – проговорила Лиза, чрезвычайно раздосадованная тем, что семейный завтрак не удался...

Глава 2

Господин Лыков, перешагнув порог адвокатского офиса, внимательно огляделся. Он считал себя человеком основательным, и это было видно за версту. Прекрасно скроенный, дорогой костюм мягко облегал его крупную, несколько грузную фигуру с уже заметным брюшком. Безукоризненной чистоты сорочка, сшитая на заказ, часы «Blanc Pain» на запястье, роскошный кожаный портфель – все это очевидно указывало на то, что мужчина привык окружать себя дорогими, красивыми вещами. Правда, с недавних пор его жена, сорокалетняя домохозяйка с двумя детьми, перестала соответствовать его представлениям о прекрасном.

– У вас уютно, – одобрительно сказал он, скользнув взглядом по стенам адвокатского офиса. Для него было важно, чтобы обслуживающий его юрист тоже отвечал самым высоким критериям профессионализма. У Дубровской была отличная репутация и подходящее для встреч помещение. Кроме того, наличие преуспевающего супруга-бизнесмена отбрасывало на Елизавету отблеск удачи. Впрочем, и сама адвокат, женщина молодая, привлекательная, деловая, внушала ему доверие. Это было немаловажно для господина Лыкова, поскольку Лизе было поручено «дело деликатного свойства».

– Я хочу, чтобы мой развод с Ниной прошел гладко. Без лишнего шума, – начал говорить он, когда они уселись друг напротив друга в мягких креслах. – Мне не нужна война. Я заранее готов пойти на уступки.

– Как я понимаю, вашу жену не устраивает «мирный сценарий».

– Именно в этом проблема! Нина как с цепи сорвалась. Черт возьми, я ее даже не узнаю. Сейчас я спрашиваю себя, как мы вообще умудрились прожить вместе двадцать лет? – жаловался бизнесмен, ища сочувствия в глазах адвоката. Он долго думал, кто сможет быть его представителем в суде: мужчина или женщина, но в конце концов остановился на том, что дамы в вопросах деликатного свойства превосходят мужчин. Увидев Лизу, он только лишний раз убедился в своей правоте. Молодая, красивая женщина – это то, что ему сейчас надо. Ведь всю эту историю с разводом он затеял не на пустом месте. В его сердце давно жила любовь. Конечно, не к своей немолодой жене, а к юной студентке международного факультета. Лика была так молода, так красива и так напориста, что у его супруги просто не было шансов. Вся его прежняя, скучная жизнь казалась господину Лыкову сейчас лишь черновиком. С юной женой он начнет жизнь с чистого листа.

– Жена не дает вам развод? – осведомилась Дубровская. – Но это проблема, которая легко решается через суд. У вас есть дети?

– Да. Дочь восемнадцати лет и сынок, которому три года.

– В этом случае судебного процесса вам не миновать.

– Да, я это знаю, – кивнул Лыков. – Просто не могу понять, почему моя жена решила вдруг проявить упрямство. Ведь я не отказываюсь содержать детей: английский колледж для дочери, частный детский сад для сына, педагоги, репетиторы, врачи. Неужели Нина не может понять: для них все останется по-прежнему...

«Кроме того, что их отец уйдет из семьи», – подумала Дубровская, но от комментария вслух воздержалась. Адвокатов нанимают для того, чтобы решать юридические проблемы. Они не должны воспитывать своих клиентов.

– Что же не устраивает вашу жену? – изобразила непонимание Лиза, хотя сама уже знала, что именно, со слов мужа. Но Лыков должен был рассказать ей об этом сам.

– Мой бизнес, – тяжело вздохнул посетитель. – Вы ведь знаете сеть гостиниц и ресторанов «Княжий двор»?

Разумеется, об этом знали все. Сделав ставку на национальный русский колорит, Лыков не прогадал. Его гостиницы были всегда заполнены иностранцами и командированными. Конечно, это не был уровень пяти звезд, но бизнесмен не ставил перед собой такой цели. Номера были чисты и уютны, а пища в ресторанах выше всяких похвал. Наваристая уха, расстегаи, сибирские пельмени, домашние соленья пользовались спросом у всех, кто любил вкусно и просто поесть. Сюда любили приходить с детьми. Малышне было любопытно поглядеть на княжеские доспехи, развешанные по стенам, посидеть на медвежьей шкуре у камина, где зимой жарко пылал огонь, отведать нежнейших блинчиков с начинкой из свежих ягод.

– Дело в том, что я не являюсь фактическим владельцем гостиницы «Подворье», – смущенно кряхтя, признался Лыков. – Это самое первое, самое крупное и желанное мое детище, титульным владельцем которого является жена. Видите ли, я когда-то весьма неосторожно оформил бизнес на нее. Но кто бы мог тогда предположить, что так все сложится...

«...что моя жена поблекнет, а я встречу молодую красотку, у которой ноги длиннее, чем у Барби, а грудь, когда она потягивается в постели, прыгает чуть ли не до подбородка».

– ...я работал тогда государственным служащим и, как вы понимаете, не имел права заниматься предпринимательской деятельностью. Но зарплаты не хватало, да и скоро я осознал, что мое призвание вовсе не совещания и отчеты. Короче, я оформил все на Нину, с которой на тот момент у нас было полное взаимопонимание. Тогда многие так делали. Позже, когда я ушел со службы и моя деятельность приобрела легальный характер, я не спешил что-то менять. Все шло превосходно. Гостиница приносила доход. Но вот теперь, когда мы разводимся, Нина отказывается возвращать бизнес мне.

«...эта чертова баба заявляет, что оставит меня без штанов. Пожалуй, это для нее единственный способ увидеть меня голым. Сама мысль о том, что я с ней могу заниматься любовью, вызывает у меня отвращение. Что только стоит ее отвисшая грудь и дряблый живот, в самом низу которого есть еще алый рубец от кесарева сечения. Боже, как вспомнишь о Лике...».

– Скажите, ваша жена работала в вашем бизнесе?

– Нет, никогда.

– Ну, она хотя бы имеет представление о том, как управлять гостиницей или рестораном?

– Она не работала в своей жизни ни дня, а университет бросила сразу же, как только вышла за меня замуж. Конечно, она умеет читать и писать и даже считает себя образованной женщиной, но в бизнесе она не смыслит ни черта!

Последняя фраза вырвалась у господина Лыкова помимо воли. Было видно, что семейные дразги достали мужчину и он с трудом удерживается, чтобы не сказать в адрес своей супруги крепкое словцо.

– Понимаете, я не знаю, чего ей от меня надо, – заговорил он, отодвинув в сторону светские манеры. – Я пообещал ей хорошее содержание, при котором ей нет нужды искать себе работу. Она сможет заниматься тем, чем занималась до сих пор. То есть ничем! Сидеть до полуночи с подружками в гостиной, ходить по пятницам в баню и каждый год ездить в Турцию. Что еще? Массаж, парикмахеры, всякие там пилинги? Пожалуйста! Правда, ей придется немного урезать свои траты. Ведь я собираюсь содержать еще одну семью. А если у меня родятся дети?

Лыков покраснел, понимая, что сболтнул лишнее. В его планы вовсе не входило до поры до времени раскрывать перед адвокатом причину своего развода. Должно быть, бизнесмен считал, что мотивы его поступка для всех являются загадкой. Хотя Лиза, как и любая бы женщина на ее месте, давно сообразила, что скрывается за туманной фразой «не сошлись характерами».

Лыков отчаянно махнул рукой:

– К чему скрывать? Да, я встретил и полюбил замечательную женщину, с которой собираюсь оформить отношения. Конечно, у нас будут дети, ведь моя невеста еще очень молода. Я хочу ей дать все, что она пожелает. И для этого мне нужны деньги и весь мой бизнес. Весь! Я хочу быть хозяином положения и не зависеть от мнения моей бывшей жены, что бы она там о себе ни воображала.

– На данный момент она является пока вашей *настоящей* супругой, – напомнила Дубровская. – Ваш брак зарегистрирован, между вами не было заключено брачного договора. Стало быть, по закону Нина имеет право на половину нажитого в браке имущества. Вы спрашивали: что движет ею, когда она грозитя отнять у вас бизнес? Конечно, не стремление руководить вашими гостиницами и ресторанами. Она понятия не имеет, как это делать, и, по-видимому, даже не собирается этому учиться. Ведь в противном случае она давно заняла бы свое место у штурвала. В ней говорит обида. Обида женщины, которую бросают ради другой, молодой и красивой.

– Вы знаете Лику? – встрепнулся Лыков.

Дубровской не нужно было знать его новую избранницу, чтобы сказать, что она собой представляет. Вряд ли этот лощеный господин выбрал себе в подруги невзрачную аспирантку, единственным достоинством которой была почти законченная кандидатская диссертация.

– Короче, если вы не хотите погрязнуть в длительном судебном процессе, вы должны решить вопрос со своей женой полюбовно, – сказала она, подводя итог встречи.

– Но она не желает договариваться!

– Тогда подумайте, как это лучше сделать. Я не могу принудить ее к этому, приставив ей револьвер к уху. Судебное разбирательство – не лучшее решение в вашем случае. Процесс затянется надолго.

Обычно адвокаты ничего не имеют против затяжных судебных тяжб, особенно если клиент располагает деньгами. Такое дело может кормить защитника не один месяц. Но Дубровской не хотелось трясти грязное семейное белье господина Лыкова. Мелодрамы с грустным финалом были не в ее стиле. Сейчас она просто помогала приятелю Андрея и вовсе не собиралась делать на его разводе деньги.

– Но должны же быть какие-нибудь адвокатские уловки! – возмутился Лыков. – Я не хочу плясать под дудку этой женщины.

– Вам все равно придется договариваться с ней, если захотите получить свою гостиницу обратно. Ну, включите же свое воображение. Представьте, что бы ее устроило. Щедрая денежная компенсация, океанский круиз, новая машина или интересная работа.

Проблема была в том, что Нина желала получить своего супруга обратно, в свою полную собственность. И Дубровская, и Лыков прекрасно знали об этом. Но все же перед тем, как кидаться в омут затяжного судебного процесса, следовало испробовать все способы решить дело миром.

– Мы с вами обязательно встретимся и обговорим все детали, – пообещала Лиза. – Но пока объяснитесь с женой еще раз. Без угроз и оскорблений. Быть может, она пойдет вам навстречу. Ведь если она решится на войну, ей тоже будет несладко. Вы вовсе не обязаны поддерживать ее прежний образ жизни. Так что пилинги, парикмахеров и массажистов она должна будет оплачивать сама. Кроме того, ей придется искать работу. В сорок лет, без образования и опыта, сделать это ей будет очень сложно.

Лыков кивал головой, но в глубине души чувствовал досаду. На себя, потому что вовремя не просчитал возможную реакцию жены на развод. На Нину, потому что та решила вдруг проявить характер и отнять у него то, что ему было по-настоящему дорого. На адво-

ката, которая предлагала ему прогнуться перед женой. И даже на Лику, которая решила выйти за него замуж именно этой весной...

* * *

Дубровская, оставшись одна, несколько раз крутанулась на своем кресле. Мебель в кабинете была новенькой, и вся обстановка была подобрана ею по своему вкусу. Постеры с видами британской столицы Лиза сама приобрела на рынке Ковент-Гарден, когда отдыхала в Лондоне. На стенах, выдержанных в цвете топленого молока, они смотрелись изысканно, по-европейски. За тонированными стеклами шкафов мерцали корешки книг и брошюр, расставленных рядами в соответствии с их размером и оттенком. Все было безупречно, даже бронзовая фигурка Фемиды с мечом в одной руке и с весами в другой, которую торжественно преподнес ей Андрей на новоселье. Кажется, он назвал богиню неперменным атрибутом «приличного» офиса, где обитает юрист. Ему верилось, что переезд станет знаковым событием в карьере жены и ее дела непременно пойдут в гору. Впрочем, Лиза и сама так считала, увлеченно просматривая каталоги офисной мебели. Она заказала жалюзи на окна и дорогой письменный набор на стол, поставила на подоконники цветочные горшки и хрупкие статуэтки из муранского стекла в книжные шкафы. Она завела даже собственный бар с приличным кофе и коньяком для солидных клиентов. Хрустальные фужеры, японский фарфор, пепельница ручной работы (притом что Лиза не выносила даже запаха табака) ждали своего часа, запертые на ключ. Сейф, встроенный в стену в глубине шкафа, должен был хранить заработанные честным трудом деньги. Но все-таки Лизу не оставляло ощущение того, что чего-то во всем этом великолепии не хватает.

Она сейчас часто вспоминала свою прежнюю адвокатскую контору, больше похожую на улей, чем на юридический офис. Тридцать адвокатов работали на ста квадратных метрах площади и размещались по двое за одним рабочим столом. В помещении всегда стоял ровный гул. Одни адвокаты принимали клиентов, другие беседовали между собой. Где-то шумел чайник, где-то трезвонил телефон. Работать в таких условиях было невозможно. Их спасало лишь то, что большая часть коллег находилась на заседаниях в судах. Вместе коллектив собирался только на праздники. Когда-то она отчаянно хотела оттуда выбраться. Лиза уставала от большого числа так называемых «бесплатных дел», по которым вознаграждение выплачивало государство. Она не хотела, чтобы в ящике письменного стола стояли ботинки ее коллеги. Она чертыхалась всякий раз, когда спотыкалась о край вспученного от влаги линолеума. Зато теперь, оставшись одна в своем стильном офисе, она чувствовала щемящую грусть, словно простилась с чудесной, романтической порой своей молодости.

Лиза вытащила из сумки письмо Бойко и от нечего делать снова стала изучать текст. Она подумала, стоит ли ей на него отвечать. Написать ради приличия что-нибудь короткое, придумать уважительную причину, выразить свой отказ изящно. Что-нибудь типа: «Извините, но в связи с большой занятостью...» Или: «В последнее время я занимаюсь исключительно гражданскими делами...»

Разозлившись на саму себя, Лиза отложила письмо в сторону и уселась за компьютер. Включив Интернет, она набрала в окошке имя «Вероника Песецкая», и уже через несколько секунд к ее услугам была вся информация о женщине, внезапный уход из жизни которой стал трагедией для Виталия Бойко. К текстам прилагалась галерея цветных снимков, и Дубровская не без любопытства стала рассматривать их.

Конечно, она сразу же ее узнала. Вероника была актрисой одной, но хорошо запоминающейся роли. Тогда Песецкая сыграла роковую красавицу, образ которой был таким ярким и живым, списанным точно из жизни, что все ее последующие пробы в кино казались жалким подобием дебюта. Она еще пару раз пыталась играть в сериалах, но вскоре оставила

актерскую карьеру. После первого ее успеха в кино все это было слишком блекло. Песецкая не была рождена для того, чтобы собирать крохи. Она окунулась с головой в модельный бизнес и немало в нем преуспела. Будучи от природы натурой жесткой и самолюбивой, она без труда преобразилась в деловую даму и капризными моделями управляла твердой рукой. Вероника была красива и обольстительна, так что на первый взгляд представлялась конкурентам эдакой породистой кошечкой. Но расслабляться рядом с ней не стоило: у кошечки были крепкие когти и острые зубы.

Дубровская разглядывала фотографии актрисы внимательно, прекрасно осознавая, что восхищается ею. Эту женщину, казалось, переполняла жизнь. Тем более странно было осознавать, что она уже мертва и ее кончина окутана тайной. Со снимков на Елизавету смотрело красивое живое лицо, которое знатоки женской красоты, бесспорно, назвали бы породистым. Большие, выразительные карие глаза изучали собеседника открыто и прямо, если не сказать – с вызовом. Но мужчин такой взгляд завораживал, манил, женщин же настораживал, заставлял нервничать. Ее можно было либо боготворить, либо ненавидеть. Оставаться равнодушным было невозможно. В последние годы Вероника носила короткую стрижку, которая ей шла и в полной мере соответствовала образу деловой женщины. Темные каштановые волосы оттеняли прекрасный, теплый цвет лица и чувственные губы, которым шел самый дерзкий оттенок помады.

«Одна из самых красивых актрис российского кино дебютировала в картине «Под знаком Скорпиона» и сразу же завоевала сердца зрителей. Ей прочили небывалый успех и головокружительную актерскую карьеру, – писали в одной из статей, посвященной ее странной гибели. – Вероника могла бы уехать на Запад, покорить Голливуд, но... не сложилось».

«Вероника Песецкая заключает брак с молодым врачом, – сообщала заметка несколькими месяцами ранее. – В окружении бывшей актрисы, а ныне владелицы модельного агентства «Russian Look», выбор Вероники Песецкой не комментируют. Известно лишь, что молодой супруг, некий Виталий Бойко, работает врачом-онкологом и к миру искусства отношения не имеет. Пикантная деталь: разница в годах между супругами – двенадцать лет».

«Вероника Песецкая тяжело больна. По сведениям заслуживающих доверия источников, владелица модельного агентства «Russian Look» находится в онкологическом диспансере и готовится к операции. Бывшую актрису поддерживает близкий друг (а также возможный претендент на ее руку и сердце) – Ярослав Непомнящий».

Упс! Откуда здесь взялся Непомнящий?

Заметки в Интернете располагались в хронологическом порядке, но от конца к началу, отчего жизнь Песецкой казалась историей, написанной наоборот: со времени ее кончины к дням, когда Вероника была счастлива и успешна.

«Ярослав Непомнящий – крупный бизнесмен, известный ресторатор, очевидно, скоро потеряет статус завидного холостяка, – раскрывала интригу светская хроника годовалой давности. – 14 февраля, в День всех влюбленных, состоялась его помолвка с актрисой Вероникой Песецкой. В присутствии избранного круга друзей невесте было преподнесено обручальное кольцо, выполненное по индивидуальному заказу известным французским ювелиром. Событие было отмечено в одном из новых ресторанов Непомнящего».

К последней статье прилагалось фото обрученных. Вероника была обворожительна в платье с глубоким декольте, открывающим шею и грудь. Впрочем, жених тоже был неплох: красивый, холеный мужчина средних лет с густой шевелюрой темно-русых волос. Он был немного ниже Вероники, но это обстоятельство вряд ли можно было отнести к его недостаткам. Ярослав знал цену себе, что читалось по ястребиному взгляду его холодных голубых глаз, по аристократической посадке головы и выправке плеч. Это должен был быть хороший, крепкий брак, основанный если не на страсти, то на выверенном точном расчете. Это мог

быть союз двух красивых успешных людей, которым для того, чтобы быть вместе, не нужно одобрение окружающих.

Странно, что громкое обручение не закончилось свадьбой. Вернее, брак Вероники был зарегистрирован, но по странной прихоти судьбы фигурки на свадебном торте изменились. За локоток невесту придерживал не нарядный бизнесмен во фраке и с бабочкой, а скромный врач с небольшим заработком и заурядной репутацией.

Дубровская чувствовала, что помимо своей воли она уже втянулась в эту странную историю с гибелью актрисы. Она убеждала себя, что неприлично отказать человеку в отчаянной просьбе, когда на кону стоит его жизнь. Ее долг – хотя бы навестить Виталия в следственном изоляторе, переговорить с ним, может быть, дать совет. Вернее, Лиза ощущала, что ей до смерти хочется заняться этим делом, и последние два часа она взвешивает «за» и «против» ее нового предприятия. И к черту, если на чаше весов «за» совсем нет аргументов. Главное – у нее в руках есть повод – письмо Виталия Бойко. Она хотя бы увидит его, а там как знать... Если посчитает нужным, откажется. Ведь прав был Андрей: ей даже не заплатили...

Глава 3

Первый сюрприз поджидал Дубровскую сразу после того, как в дверь следственного бокса ввели Виталия Бойко. Елизавета рассчитывала увидеть эдакого модного хлыща, охотника за дамскими кошельками. Но перед ней стоял вовсе не прожигатель жизни, а скромный молодой человек, которого так легко было представить в белом халате со стетоскопом на груди.

– Добрый день, – поздоровался он, адресовав Лизе мягкую улыбку. – Примерно так я вас себе и представлял. Я благодарен вам за то, что вы пришли.

Интересно, как он себе ее представлял? Жаль, что она не могла ответить ему тем же. Ведь на месте этого высокого худого сероглазого парня должен был быть красавчик, которого не стыдно показать в рекламе трусов.

– Извините, но мой приход к вам, Виталий, еще не означает, что я возьму на себя вашу защиту, – сказала Дубровская, предпочитая сразу же брать быка за рога. – Меня тронуло ваше письмо, и я подумала, что... может быть, смогу дать вам какой-нибудь полезный совет.

На лице Бойко отразилось такое искреннее огорчение, что Елизавета почувствовала себя неловко. Надо было быть полной дурой, чтобы прийти в изолятор к человеку, который взывает о помощи, и заявить ему, что делает это ради светских приличий. Лучше бы уж она написала письмо!

– Я понимаю. Должно быть, глупо рассчитывать на помощь адвоката, не заплатив ему. Дубровская покраснела.

– Дело не в деньгах... – Интересно, тогда в чем? – Просто я не знаю еще сути вопроса. Быть может, я просто не смогу сделать для вас то, что вы ожидаете.

– Суть вопроса проста, – заверил ее Виталий. – Я невиновен!

Вот это он мог и не говорить. Заявление о невиновности, столь значимое для самого клиента, для адвоката звучало вполне заурядной фразой.

«Я невиновен!» – заявлял матерый уголовник, обвиняющийся в убийстве двух своих сокамерников, и для пущей убедительности бил себя татуированным кулаком в грудь. «Вы знаете, я тут вообще ни при чем», – смущенно улыбалась женщина, попавшаяся на кражах в служебной раздевалке. «Это дело сфабриковано следователем! – возмущался взяточник. – Я невиновен, а деньги мне попросту подложили!»

Дубровская привыкла к подобным высказываниям и относилась к ним спокойно, без эмоций, как врач относится к жалобам пациента. Кодекс адвокатской этики учил ее уважать любую позицию защиты. Говорите, невиновен? Хорошо, тогда мы посмотрим, что тут можно сделать.

– Обвинение утверждает, что вы ввели инъекцию инсулина Песецкой, рассчитывая на ее смерть, – просто сказала Елизавета. – После ее кончины вы стали обладателем немалого состояния женщины. Вас обвиняют в убийстве из корыстных побуждений.

– Это бессовестная ложь! – заявил Виталий, и ноздри его затрепетали, как у норовистого коня. – Я заключил брак с Вероникой только потому, что она безумно нравилась мне. Конечно, она была старше меня на двенадцать лет, и этот факт считается сейчас едва ли не главным доказательством моей вины. Можно подумать, что любить женщину старше себя – это уже преступление!

Дубровская с грустью подумала о том, что последние слова Виталия не лишены смысла. Общество лояльно относится к бракам между зрелым мужчиной и молоденькой женщиной, но к ситуации противоположной относится нетерпимо. Найдите того, кто кинет камень в старину Лыкова? Увлечение молоденькой студенткой вызывает разве что снисходительную усмешку, и это несмотря на то, что жених уже немолод, грузен и страдает одышкой.

– Но дело не только в том, что Вероника была старше вас, – напомнила Елизавета. – Песецкая была смертельно больна. Она перенесла операцию по удалению груди. Трудно представить, что в такой тяжелый период жизни она была способна на романтические подвиги. Тем более странно выглядит ваша внезапно вспыхнувшая страсть к женщине, которая одной ногой стоит в могиле. Вы меня извините, я всего лишь привожу вам доводы обвинения.

– Конечно, это сильный аргумент в глазах большинства наших граждан, – тихо признался Виталий. – Нас учат любить красивых, молодых и сильных. Телевидение и гляцевые журналы навязывают свои каноны красоты. У женщины должна быть тонкая талия, упругий зад, полная грудь, не говоря уже о том, что всего должно быть по паре: две груди, две ягодицы, два глаза. Если чего-то не хватает, то это уже калекка, любить которую можно только из корысти...

Дубровская рассматривала Виталия, стараясь уловить в его словах, жестах нотки фальши. Она тестировала его как детектор лжи, обращая внимание на все мелочи. Она видела, что он волнуется, что у него дрожат руки. Она видела, что он страстно хочет, чтобы адвокат ему поверила. Сейчас он уже не напоминал ей доктора в белом халате. Он казался ей натурой артистичной, тонкой, и Елизавета подумала, что газеты поторопились с выводами о том, что Вероника и Виталий – два совершенно разных человека, которых объединила не страсть и не одинаковый взгляд на вещи, а жестокая болезнь.

– Отсутствие груди – это убийственный аргумент для большинства мужчин, в тот числе и для этого сукина сына Непомнящего, который сейчас громче всех кричит о моем коварстве, – продолжал Виталий, словно ожидая, что адвокат уже знает все перипетии их любовного треугольника. – Но я полюбил Веронику такой, какой она была: бедной, страдающей и невероятно красивой. Видите ли, я художник по натуре... – Он смущенно посмотрел на Дубровскую, словно признавался ей в чем-то постыдном. – Я рисую... Так вот, впервые встретив Нику в больничном коридоре, я был сражен наповал. Боюсь показаться вам напыщенным, неискренним, но на меня она произвела неизгладимое впечатление. Она была бледна, спокойна, даже величественна. Ее облик так не вязался с тем проклятым местом, где люди страдают от осознания близости смерти, что я смотрел на нее, как на чудо. К тому же Ника была очень красива...

С этим Дубровская была согласна. Она уже другими глазами смотрела на Виталия и видела то, что раньше не замечала. Он и вправду больше походил на художника, чем на врача. Теперь она представляла его с кистью в руках, стоящего напротив мольберта, и сосредоточенно смешивающего краски. У него был вдумчивый взгляд, длинные нервные руки и изящные пальцы. Довершали сходство тонкие русые волосы, зачесанные на прямой пробор и ниспадающие по обеим сторонам лица в прическе, напоминающей каре. В серых глазах застыла боль.

– Понимаете, успех вашего дела во многом зависит от того, какую линию защиты вы выберете, – осторожно заметила Лиза. – Ну и, конечно, состав суда...

– Я все решил. Я хочу узнать мнение суда присяжных, – сообщил Бойко, а Елизавету словно обдало волной холода.

– Присяжные? – переспросила она. – Почему не профессиональный судья?

– С некоторых пор я не доверяю профессионалам. Все началось со следователя, который вел мое дело на следствии, с оперативников, которые часами измывались надо мной, задавая скабрзные вопросы. Например, что представляет собой удаленная молочная железа? Можно ли женщине заниматься после такой операции сексом? Нет уж, я сыт по горло теми, кого вы называете профессионалами. Я хочу знать мнение простого народа.

Дубровская промолчала насчет того, каким жестоким может оказаться обыватель, решая вопросы вины и невиновности по такому деликатному делу. Но, может, Виталий Бойко прав, и суд присяжных даст ему шанс быть услышанным, понятым и прощенным?

– Итак, я вам уже сказала, что многое будет зависеть в вашем деле от позиции защиты, – повторила Дубровская, ощущая себя занудой. – В суде присяжных заседают простые люди. Его иногда еще называют «судом улицы» или «судом толпы». В этом смысле важно, чтобы аргументы в вашу защиту были простыми и понятными...

Она вопросительно посмотрела на Бойко. В ее словах он услышал недосказанность.

– Боюсь, что присяжные не поймут ваши романтические порывы, – честно сказала она. – Они решат, что вы лишили жизни Песецкую ради ее денег, и чем больше вы будете говорить о своей любви, тем меньше они будут вам верить.

– Что же делать?

Дубровская пожала плечами:

– Быть может, стоит изменить позицию? Вот если бы вы сказали, что ввели инъекцию Веронике из чувства сострадания, это было бы совсем иное дело. Эвтаназия – право на «хорошую смерть», явление, запрещенное законом, но понятное для большинства людей. Что может быть гуманнее, чем освобождение безнадежно больного человека от ненужных страданий?

Лицо Виталия окаменело, словно слова адвоката парализовали его. Но когда к нему вернулась способность говорить, он яростно отверг такой план защиты:

– Никогда я не скажу такое! Я не убивал Веронику и не устаю об этом повторять следователю, оперативнику, теперь вам! Я не вводил ей инъекцию!

Дубровская выпрямилась в струнку. Щеки ее порозовели.

– Я, конечно, еще незнакома с материалами уголовного дела, но знаю из газет, что железного алиби у вас нет. – Она вопросительно взглянула на него, и Бойко неохотно кивнул. – Вы – врач, а Песецкая умерла от инъекции. Вы можете утверждать, что она это сделала самостоятельно, но, боюсь, присяжные вам не поверят. Они решат, что вы хитрите, что вам есть что скрывать. К тому же большое наследство Вероники – явно не аргумент в пользу вашей невиновности. Пусть это звучит странно, но заявление о том, что вы действовали из чувства сострадания, может дать необходимый эффект. Присяжные вам поверят.

– Вы шутите? Этим я подпишу себе смертный приговор! Медицинское содействие самоубийству в нашей стране карается по закону!

– Да. Но вы забываете о специфике суда присяжных, – выложила Лиза свой основной козырь. – Присяжные заседатели судят не по закону, а по совести, и, если они решат, что с точки зрения человеческой морали ваши действия объяснимы, они могут вынести вердикт о вашей невиновности.

Это была чистая правда. Присяжные могли оправдать подсудимого, в случае если он, застав насильника своего сына на месте происшествия, жестоко покарал его. Они признавали невиновной женщину, забившую мужа чугунной сковородой, если понимали, что в течение многих лет она терпела от него побои и унижения. Были и другие примеры, но Лиза интуитивно ощущала, что тема эвтаназии поможет им выстрелить в нужном направлении. Хотя... Стоп! Как они добьются результата, если главный вопрос так и не решен? Дубровская не дала своего согласия защищать Виталия в суде.

Похоже, они думали об одном и том же. Бойко, заметив замешательство адвоката, как-то сразу обмяк.

– Все, что вы говорите, очень интересно. Но я не убивал Нику. Я собираюсь говорить об этом в суде.

Он был чертовски упрям, но и Дубровская не могла похвастаться своей покладистостью.

– Я вам повторю еще раз, – терпеливо заметила она, – что для присяжных важна не ваша виновность или невиновность, а их *представление* о ней. Поэтому, если они сочтут, что вы морочите им голову, оправдательного вердикта (пусть вы трижды невиновны!) вам не видать как своих ушей. Хотя, – ее тон немного смягчился, – я не имею права заставлять вас признать вину, если вы этого не хотите. К тому же моя помощь вам ограничивается только советом, а вы вправе выбирать, следовать ему или нет.

– Вам неинтересно мое дело? – опять огорчился Виталий.

– Почему же? Ваше дело интересно, но... – Но что она могла ему сказать? Деньги? Сейчас она сама себе напоминала адвоката, вытрясающего из клиента последнюю копейку. Конечно, Виталия Бойко нельзя было назвать бедняком. Он был наследником немалого состояния, оставшегося после смерти актрисы. Хотя, если говорить по закону, вопрос о его наследстве до решения уголовного дела висел в воздухе. *Не может наследовать виновный в смерти наследодателя.* Вот только вопрос, виновен Виталий или же нет в смерти актрисы, должны были решить двенадцать простых людей.

– Знаете, не отказывайте мне сейчас вот так сразу, – взмолился Бойко, заметив колебания адвоката. – Я дам вам почитать свою тетрадь... Это не то чтобы мой дневник. Это мои мысли, моя душа, излитая на бумагу.

Дубровская, конечно, с самого начала свидания видела толстую общую тетрадь в клеенчатой обложке, которую Виталий положил на краешек стола. Но она не придавала этому значения, полагая, что в ней содержатся заметки по делу, которые так любят делать заключенные.

– Вы увидите, что я совсем не тот, каким пытаются меня выставить в газетах. Почитайте, и если что-то дрогнет в вашей душе, дайте мне знать... – «А если нет?» – едва не сорвался с губ Дубровской бестактный вопрос. – А если нет, тетрадь мне можете и не возвращать.

– И все же я вам ее верну, – вежливо сказала Лиза. Если Бойко излил свою душу на бумагу, у нее не было ни малейшего желания присваивать ее себе...

* * *

Дубровская вернулась домой к семи часам. Утомленная долгим рабочим днем и вечерними пробками на дорогах, она чувствовала себя выжатой, как лимон. Но это ей не помешало, как примерной супруге, заскочить в продуктовый магазин и купить все необходимое для ужина. Выгружая два полных пакета с полуфабрикатами, Лиза почувствовала щемящее чувство вины. Может, она поторопилась обвинить Андрея в том, что из их отношений ушла романтика? Сама она, считая себя особой чувствительной и ранимой, не многое делала для того, чтобы их семейное гнездо было теплым и уютным. Конечно, она покупала продукты, готовила простые блюда и по просьбе мужа иногда гладила его рубашки. Но она была готова признать, что выдумки и фантазии, а значит, вместе с тем и любви она проявляла в домашних делах куда меньше, чем в подготовке защиты очередного клиента. За шесть лет брака она научилась весьма сносно готовить куриный суп, жарить ту же самую пресловутую курицу в духовке и варить кашу. Прямо скажем, немного. Хорошо, что Андрей был непривередлив в еде и покорно поглощал магазинные пельмени, блинчики из упаковки, готовые отбивные, которые следовало только разогреть. А ведь он был из обеспеченной семьи, где меню на обед и ужин составлялось так же вдумчиво, как государственный бюджет. Ольга Сергеевна, мама Андрея, тщательно следила за тем, чтобы пища была разнообразной и вкусной. Конечно, у нее была кухарка, да и сама свекровь не утруждала себя готовкой, но она умело вела хозяйство: нанимала и увольняла прислугу, следила за закупкой продуктов и чистотой в доме, принимала гостей, ухаживала за мужем и сыном. Она искренне не понимала, почему

Лиза не может заниматься тем же. Было бы простительно, если бы она хотя бы приносила в дом деньги, но заработки Дубровской были весьма скромными, как, впрочем, и ее клиенты. Семья ничего бы не потеряла, если бы Елизавета осталась дома и посвятила себя организации образцового быта.

Воспоминания о любимой свекрови ничуть не улучшили настроения Елизаветы. Она обвела глазами гостиную и только сейчас сообразила, что сегодня был понедельник. Вокруг царила чистота и порядок, а это значило, что приходила домработница, которую Ольга Сергеевна посылала в дом сына два раза в неделю. Женщина убирала, стирала и гладила постельное белье, увозила вещи в химчистку. Елизавете не было нужды даже поливать цветы, и она могла с головой погрузиться в уголовное право. Но мысли об этом сейчас вовсе не радовали Лизу. Быть может, именно поэтому ее муж не торопился домой, хотя стрелки часов уже приближались к восьми? Где его, интересно, носило?

Словно отвечая на ее вопрос, зазвонил телефон. Елизавета порывисто схватила трубку, намереваясь сказать Андрею, что она уже дома, ждет его к ужину и страшно соскучилась. Но радостная улыбка застыла у нее на губах, как только трубка ответила голосом свекрови. Та хотела поговорить с сыном и беспокоилась, что целый день его номер не отвечает.

– Наверняка у него какая-нибудь важная встреча, – высказала свое предположение Лиза. – Он всегда отключает телефон, если у него идет совещание с партнерами или он посещает цеха.

– Странно, – ответила свекровь, и Дубровская даже через расстояние увидела, как женщина недоверчиво поджала губы. – Разве совещание может длиться целый день?

Вот она всегда знала имена и телефоны всех деловых партнеров мужа и могла, как говорящий органайзер, без труда вспомнить, где назначена встреча с коллегами и когда состоится его очередной визит к дантисту. Елизавета, по его мнению, допускала в таких вопросах непростительное легкомыслие.

– Неужели он даже не сказал, в какое время вернется? – не унималась она, и Лиза чувствовала через трубку ее раздражение. Поневоле она начала заводится сама.

– Ольга Сергеевна, я доверяю своему мужу, – сказала она холодно. – Он просто очень занят. Он перезвонит вам, как только появится дома.

Чем, интересно, он занят? Вот и еще одна задачка для образцовой жены. Дубровская знала только о том, что делала в этот день она, а о том, чем занимался ее муж, не имела ни малейшего понятия. Неужели ей это безразлично?

– Вот если бы у вас был ребенок, – вздохнула свекровь, тем самым еще раз наступив на больную мозоль невестки.

Вопрос о детях в семье Дубровской в последнее время стал подниматься все чаще и чаще. Елизавета не была заиклена на теме пополнения семьи и, как многие женщины, с пеной у рта отстаивала теорию о том, что, прежде чем обзаводиться потомством, нужно состояться как личность. Андрей во многом с ней соглашался. Ему было трудно представить, что после сложного рабочего дня, вернувшись домой, он не сможет насладиться тишиной и покоем, а будет сидеть возле песочницы, читать детские книжки, отвечать на многочисленные «почему». С детьми связано столько хлопот! На примере своих близких знакомых они убедились, в какой кошмар может превратиться жизнь нормальной семьи после появления ребенка. Сначала молодая пара пыталась забеременеть, потратив на этот нехитрый процесс несколько лет и перезнакомившись ради этого со всеми акушерами-гинекологами столицы, гомеопатами, народными знахарями и просто шарлатанами. После того как беременность наступила, выяснилось, что проблемы вовсе не закончились, а только начинаются. Будущая мать провела в постели все девять месяцев, вставая только для того, чтобы сходить в туалет. Ребенок родился крикливый, беспокойный, не спал ночами, и родители снова сделали круг по бабкам и целителям. Молодая мать едва не заболела на нервной почве, отец семейства и

вовсе превратился в зомби: он спал на совещаниях, провалил два важных проекта и поставил под угрозу свое пребывание в фирме. Каждый день, в семь часов вечера, он начинал ерзать на месте. Неотвратимо приближался час купания малыша, и задержать его на службе не смог бы даже папа римский, вздумай он вдруг приехать в Россию и освятить фармацевтический завод. В общем, Андрей и Лиза только снисходительно посмеивались, не желая для себя такой доли. У них в семье по этому вопросу царило полное взаимопонимание. Сначала нужно пожить для себя: сделать карьеру, попутешествовать по миру, устроить домашний очаг, ну а потом... Они много и успешно работали, объездили всю Европу, побывали в Америке и Бразилии, позагорали на островах. У них появился собственный дом и более или менее налаженный быт.

– Слушай, может, ты все же решишься? – спрашивал Андрей, глядя на Лизу так, что и слепому было видно, что он сам для себя еще ничего не решил. – Первого ребенка врачи рекомендуют родить до двадцати пяти.

А Лизе уже тогда было двадцать шесть.

– Может, и решусь, – говорила она без особого энтузиазма. – Вот только закончу процесс по делу Вадима Крестова.

Андрей покорно кивал головой. Он знал, что запутанное и загадочное дело по обвинению Татьяны Крестовой в убийстве супруга рассматривают в суде уже полгода. Дубровская была бы настоящей кретинкой, если бы тогда отправила на антресоли свое адвокатское досье ради идеи родить ребенка. Потом она защищала Настю Дроздову, свою коллегу, которую обвинили в убийстве. Лиза просто не могла оставить подругу в беде.

Повторно обсудить вопрос о наследнике они решили, когда Дубровская взяла на себя защиту адвоката Лещинского. Но процесс был громким, и Лиза была так измотана, что супруг всерьез опасался, не скажется ли стресс на здоровье их первенца. Потом Андрей уехал на месяц в Амстердам, а Елизавете поручили дело Димы Сереброва. Поездка Мерцалова удалась, и он вернулся таким воодушевленным, что долгое время вообще не вспоминал о том, что у них с Лизой остались незавершенные семейные планы. Он дневал на производстве, а вечера проводил в офисе. Тогда они запускали линию по производству нового лекарства. Дубровская в отсутствие мужа ничуть не страдала. Ее занимало дело об изнасиловании, в котором обвинили видного ученого Соболева.

Так они и бежали по жизни рядом, но не вместе. Мерцалов проводил время среди порошков и пилюль. Дубровская – среди убийц и насильников. Оба чувствовали себя неплохо, пока однажды, в звонкий мартовский день, Елизавета не остановилась внезапно, словно налетев на невидимую стену. Что дальше? Очередной убийца? Но ей уже тридцать, и биологические часы, о которых прежде она только читала, неумолимо отсчитывали последние годы ее женского календаря. Если она желает оставить после себя ребенка, а не залежи пыльных коробок с бесконечными адвокатскими досье, ей следует поторопиться. Но пикантность ситуации заключалась в том, что детей принято делать вместе. Для зарождения новой жизни как минимум нужен отец. А где он сейчас? На очередном совещании? В девять часов вечера? А если Ольга Сергеевна права и ей давно следует насторожиться? История господина Лыкова тоже начиналась с отключенного телефона и совещаний по вечерам, а закончилась пафосным заявлением о несходстве характеров.

Чтобы отогнать от себя грустные мысли, Дубровская забралась с ногами на диван и положила к себе на колени дурно пахнущую клеенчатую тетрадь. У нее есть возможность скоротать время до прихода Андрея, а там как знать? Может, они вернутся к вопросу о наследнике. Если, конечно, не будет слишком поздно. Дубровская собиралась уйти в свой офис к девяти...

Глава 4

«С самого раннего детства я любил рисовать. У меня сохранились фото, где я, еще маленький, неуклюже ковыляя за мамой на нетвердых ногах, уже держу в руках карандаш и бумагу. Мои рисунки представляли собой тогда царство хаоса, где преобладали цветные пятна. Испачкав руки в краске, я оставлял на бумаге следы своих пальцев и ладоней. Мама не возражала. Она говорила, что такого рода занятия хорошо развивают мелкую моторику рук. Как ей было не знать, ведь она возглавляла детскую поликлинику. Папа тоже был врач и поэтому во всем с ней соглашался. Он заведовал хирургическим отделением городской больницы. Мелкая моторика рук – это то, что нужно для будущего врача, когда придет его черед держать в руках скальпель. Мое будущее было за меня решено, но это не омрачало мое детство. Я просто тогда не задумывался, что любящие меня люди могут желать мне что-то дурное. Я продолжал рисовать деревья, людей, собак, дома и машины.

Первый звонок прозвучал, когда я записался в изостудию. «К чему тебе это, сынок? – недовольно поморщился отец. – Занимался бы лучше спортом». Но я настоял, и меня оставили в покое. Правда, только на время. В старших классах отец начал активно зазывать меня к себе на работу. Он хотел, чтобы я проникся атмосферой больницы: присутствовал при обходе больных, посмотрел, как делают операции, – и в качестве бонуса обещал экскурсию в морг, где острые ощущения мне были гарантированы. Мне не хотелось его огорчать, но на первой же операции я грохнулся в обморок, прежде чем хирург успел сделать первый разрез. Отец был очень недоволен. Он в категоричной манере заявил, что отныне мои визиты в отделение должны стать регулярными. «Ко всему привыкают, – сказал он тогда. – Вот и ты привыкнешь. Страшно только в первый раз». Но и во второй раз меня приводили в чувство нашатырем. Хуже было то, что мутить меня начинало сразу же, как только я перешагивал порог больницы. В конце концов я взмолился: «Сил нет, пап. Оставь меня в покое. Я думаю, двух медиков в семье вполне достаточно». Отец отрезвил меня резким окриком: «Не говори ерунды! В нашем роду врачевали отцы и деды. Ты – первый, кому пришлось в голову забросить семейное ремесло. Впрочем, выбора у тебя нет. Не пойдешь же ты в инженеры!» – «В инженеры не пойду, но я могу стать художником», – возразил я.

Мой отец, который сохранял самообладание во время самых сложных операций, едва не лишился чувств. Он побагровел так, что даже вена на его виске вздулась и запульсировала. Мне показалось, что у него сейчас случится удар и я стану причиной его смерти.

«Болван! – орал он. – Ты что, вообразил себя вторым Пикассо? Будешь всю жизнь картинки малевать?» В общем, разговора тогда не получилось. Но мой отец не из той породы людей, что отказываются от цели при первом же препятствии. Едва остыв, он извинился передо мной и начал обработку уже в другой манере. «Художник – это не профессия, сынок». – «Что же это такое?» – «Баловство – вот что. Профессия должна кормить человека. Тем более ты – мужчина. Настанет время содержать семью, что ты сможешь предложить жене и детям? Свои картинки?» – «А почему бы и нет? Картины, между прочим, тоже продаются и покупаются». – «Я тебя умоляю! Опустись на землю. Все художники – романтические чудаки, которые живут на гроши в жутких условиях, и если получают признание, то только после смерти». Я в корне был с ним не согласен, но он шел в наступление, как танк, подминая гусеницами мои надежды. «Мне даже сказать кому-нибудь будет стыдно. Мой сын работает... о боже! Художником! Это все равно что признать то, что ты у меня – лоботряс и бездельник». Однако странное у моего отца было мнение о работе художника! «Я так долго мечтал, что ты, когда вырастешь, станешь врачом-онкологом». – «Онкологом? – испугался я. – Это что, лечить рак?» – «Тебе не нравится? Хорошее перспективное направление. Там можно неплохо устроиться. Главный врач окружного диспансера – мой

давний друг». – «Пап, конечно, спасибо тебе за заботу. Но рак?! Кошмар какой-то. Боюсь, не потяну». Через два дня отец капитулировал, но не до конца. «Черт с ней, с медициной! – сказал он, поднимая руки в показном смирении. – Не дано, так не дано. Я подумал и решил: иди в дизайнеры! А что? Там, говорят, сейчас хорошие деньги платят. Кроме того, с утра до ночи будешь рисовать». – «Да? – усмехнулся я. – Рисовать? Шкафчики, пуфики для богатых идиотов? Нет, дизайн – это не по мне. Я хочу быть художником, пап!» Отец долго уговаривал меня: то добром – обещая материальную поддержку на время учебы, бабушкину квартиру и деньги на отпуск, потом срывался, угрожая выставить меня за порог, сжечь мои холсты и кисти, оставить меня без копейки. Мать все больше молчала, и вообще в последнее время она стала какой-то грустной, неразговорчивой. А за день до того, как я подал документы в художественное училище, ей поставили страшный диагноз. Рак!

Конечно, я забрал документы обратно. Во мне жило тогда странное чувство, что мое решение может что-то изменить. Отец если и обрадовался, то не подал виду. Он подсуетился, подключил свои давние связи, и к концу лета я стал студентом медицинской академии. Понимаю, что мои мечты, которые я лелеял в промежутках между лекциями по анатомии и походами в морг, найти средство против рака, были наивными, как у ребенка. Я терял маму и понимал это с неотвратимой ясностью. Вся наша медицинская родня, все наши связи и главный врач в онкологическом диспансере были бессильны против ужасного недуга, который точил мою мать. Сначала ей отняли одну грудь, затем вторую, но радикальные операции и последующий курс химиотерапии результата не дали. Окружающие ткани и лимфатические узлы оказались поражены. Мы бессильно наблюдали за ее мучительной агонией. Это было ужасно.

Но не менее ужасным оказалось то, что я сам себя загнал в ловушку, из которой не видел выхода. Я на всю жизнь связал себя с профессией, которая вызывала у меня нервный трепет. С максимализмом, свойственным юности, я с головой бросился не в педиатрию и не в кардиологию, а в онкологию, отрасль медицины, которая так и не смогла спасти мою мать. Однако оставались сотни, тысячи больных, которым моя помощь могла оказаться кстати. Я рассчитывал найти чудо-средство, остановить чудовищный процесс, который день за днем уносил человеческие жизни. Теперь понимаю, каким молодым идиотом я был, когда с горящими дикой отвагой глазами приступил к работе в онкологическом диспансере. Папин знакомый к тому времени ушел на пенсию, и покровительства в моих начинаниях мне никто оказывать не собирался. Я очутился в ряду тех, кто день за днем выполнял рутинную работу, получал за это скромное жалованье и никаких революций в медицине производить не собирался. Рак жил по своим законам, мы – по своим. Работая среди страдающих людей каждый день, выслушивая жалобы больных, встречаясь с родственниками, которые не в состоянии осознать неотвратимость близкой смерти, поневоле становишься жестче. Страдать болью других людей можно до определенного предела. Потом включаются механизмы саморегуляции, и твой организм приводит тебя в норму, ставит защитный барьер. По одну сторону ты со своими проблемами, с другой стороны они – со своим раком. Признаюсь, и я не спал ночью после того, как в первый раз сообщил пациенту, что оперативное вмешательство уже не имеет смысла. Но это повторилось еще раз, потом еще. «Синдром выгорания личности» называют психологи явление, когда наступает профессиональный предел и ты уже не способен высечь искры из своего сердца. Думаю, что я своего предела все же не достиг.

Вероника Песецкая появилась в нашем отделении весной, когда тополя за окном обросли новой клейкой листвой. Она пришла под руку с невысоким, но представительным мужчиной, которому вопреки всем существующим правилам разрешили проводить ее в палату. Оба они представляли странное явление, плохо вписывающееся в нашу больничную реальность. Вероника была не в халате и в шлепанцах, как все наши пациентки, а в элегантном брючном костюме бежевого цвета, с охапкой желтых роз в руках. Ее спутник

был одет в длинный светлый плащ, фалды которого развевались, когда он шел по коридору. Мужчина нес красивую кожаную сумку от «Луи Вуитона» и вместительный женский несесер с косметикой. Казалось, что пара собралась на курорт и сразу за постом медсестры их ждет «Боинг». Ни больничных халатов, ни бахил на ногах. Что эти люди там о себе думают?

– Расслабься, приятель, – сказал мне заведующий, хлопнув меня по плечу, – это наши особые клиенты.

Я остался стоять как вкопанный. Меня тогда поразило лицо Вероники. Оно казалось необычным, очень чувственным, с мягким, хорошо очерченным ртом и великолепными шоколадными глазами. В них едва можно было заметить напряженность. Женщина улыбалась, снисходительно позволяя заведующему распахнуть перед ней дверь отдельной палаты. В тот момент меня подозвала пациентка, и я потерял пару из виду на целый час. К моему удивлению, после того как я освободился, мужчина в светлом плаще еще не покинул пределы палаты. Правда, теперь он расхаживал по ней в хорошо подогнанном костюме с галстуком.

– Эй, голубчик, – подозвал он меня, поманив пальцем. Я нерешительно сделал шаг к нему навстречу. – Где тут у вас можно набрать воды?

Прежде чем я успел что-нибудь возразить, он сунул мне в руки вазу. Вероника обратила на меня внимание.

– Ярослав, ты бесцеремонен, – сказала она. – Врачи не должны бегать за водой.

– С чего ты взяла, что он врач? – удивился тот, кого назвали Ярославом. – Наверняка это студент академии.

– Нет, я – врач, – сказал я, не отрывая глаз от прекрасных глаз Вероники. – Но мне нетрудно, я принесу воду.

– Вот видишь, как все славно получается, – сказал напыщенно мужчина, которого я мысленно уже сравнил с павлином. Жаль, что у него сзади не было хвоста. – Говорю тебе, Ника, ты пробудешь здесь неделю, а потом тебя выпишут, а к августу, когда ты поправишься, мы уедем в Ниццу. Отель «Негреско», из окон которого видно Средиземное море. Это как раз то, о чем ты мечтала.

Я спросил себя, не перепутали ли они отделение. Быть может, даме должны вырезать аппендицит? Пара уютно расположилась за столом. В углу уже вовсю кипел чайник. Вазочка была заполнена печеньем.

Я отловил заведующего за обедом.

– Кто она? – спросил я, полагая, что он знает, о ком идет речь.

– Актриса, – сказал тот, поглощая первое. – В кино снималась.

– А у нее что, рак?!

– Нет, пупочная грыжа, – вяло огрызнулся заведующий, щедро посыпая рассольник перцем. – Конечно, рак, этакий ты чудак. Рак груди. Через два дня будем резать.

Я был ошеломлен. Страшный диагноз казался несовместимым с образом этой пышущей здоровьем и красотой женщиной. Но больше всего меня поразило легкомысленное отношение влюбленной парочки к жестокой болезни, так, что я даже почувствовал раздражение. «Они что думают? Мы здесь ерундой занимаемся? Лазурный Берег, Ницца, черт побери!»

Меня, как магнитом, тянуло к палате актрисы, хотя, собственно говоря, мне там делать было нечего. Лечащим врачом Вероники был заведующий, у которого нюх на деньги был развит сильнее, чем у охотничьей собаки на дичь. Но я частенько заглядывал к ней, спрашивая, не нуждается ли она в чем-нибудь, есть ли у нее жалобы. Но все, что нужно, у нее всегда было, а жаловаться она не любила. Я ловил себя на странных мыслях. Мне хотелось увидеть ее не безупречно светской, скучающей, а взволнованной, бледной – словом, такой, какими мы, врачи, привыкли видеть своих пациентов. Мне хотелось, чтобы она обратилась ко мне за помощью, попросила меня хотя бы о пустяке. Но она читала книжку или смотрела в окно,

а мою заботу воспринимала как само собой разумеющееся. Так, должно быть, она себя вела по отношению к суетливым официантам, собственной портнихе или к девушкам-моделям своего агентства.

После операции она пришла в себя ближе к вечеру. Был ослепительно-яркий майский день, но в ее палате царил полумрак из-за наглухо задвинутых штор. В углу на стуле, прислонившись головой к стене, дремала медсестра. Увидев меня, она испуганно вздрогнула. Я кивком головы отпустил ее. Она какое-то время помедлила, видимо, выполняя строгий наказ заведующего не оставлять пациентку. Но, в конце концов, я тоже был врачом. Она ушла, а я, оставшись один с Вероникой, начал изучать обстановку. Сейчас это можно было делать без помех.

Сначала мое внимание привлек снимок в кожаной рамке, на котором была изображена смеющаяся Вероника, бегущая по берегу моря с тем самым типом, с которым я видел ее в первый день ее пребывания у нас. Конечно, там он был не в светлом плаще, а в коротких спортивных шортах и белой майке. Вероника хохотала, протягивая мужчине на бегу свою руку. Ветер путался в ее растрепанных волосах, и на щеках блестели брызги воды. Она была чудо как хороша.

Должно быть, эта фотография была дорога ей как память, если она поставила ее у себя в изголовье, туда, куда обычно больные ставят иконы и лампадки. Но и здесь Вероника была не такой, как все. Никаких молитв, свечей, брошюр религиозного содержания. Только маленький томик стихов, пара изящных кружек на блюде и футляр для очков. Я взглянул на нее и невольно отшатнулся. Я был уверен, что она находится в забытии. Но Вероника следила за мной своими огромными шоколадными глазами. Должно быть, ей было больно, но ни словом, ни взглядом она не выражала страдание. В ее глазах был только вопрос.

– Ярослав, – прошептала она еле слышно. – Где Ярослав?

Должно быть, Ярославом звали того мужчину на снимке, которого я для себя окрестил павлином. Я не имел ни малейшего представления, где он сейчас находится.

– Ярослав?! Он спрашивал обо мне?

Я чувствовал себя идиотом.

– Не могу сказать. Я здесь совсем недавно.

Хорошо, что она не спрашивает, зачем я беру в руки ее вещи. Долго ли она следила за мной?

– Я – дежурный врач, – пояснил я, чтобы хоть как-нибудь оправдать свое пребывание в ее палате. – Если у вас есть жалобы...

– Нет, все прекрасно, – еле шевеля запекшимися губами, произнесла она. – Я хочу спать. Разбудите меня, если придет Ярослав...

Но Ярослав не пришел ни в шесть, ни в семь. Я даже спросил у сестер, не оставлял ли кто сообщение для Вероники. Но павлин не объявлялся, словно ему не было никакого дела до того, как прошла операция. Черт знает, но я его ждал уже ничуть не меньше Вероники.

– Он пришел? – спрашивала она каждый раз, когда я появлялся в палате.

– Он звонил, – врал я, не в силах выдержать настойчивый взгляд ее карих глаз. – Он задерживается. Кажется, у него аврал на работе.

– Аврал? – удивлялась она. На завтра было девятое мая, и народ сбегал с работы пораньше. Этот сукин сын мог бы быть расторопнее. Я был зол на него. Никакая работа не могла оправдать его отсутствия у постели больной в этот страшный для нее день.

Он появился уже около одиннадцати, и самое странное, что его пропустили. Но для этой парочки правила больничного распорядка были не писаны. Мужчина выглядел блестяще: в светлом костюме и бежевых туфлях, он ташил за собой запах дорогого парфюма. Он отнюдь не выглядел бледным и расстроенным, а в качестве оправдания нес в руках букет белых лилий.

– Ника, дорогая, прости меня. Я припозднился на работе, – начал рассыпаться он в извинениях. Даже не посмотрев на меня, он уже протянул мне вазу с поблекшими розами. – Это можно выбросить и налить свежей воды. Ника, девочка моя, как ты себя чувствуешь?

«Отлично. Ведь мне всего лишь отрезали грудь!» – взорвался я про себя. Я знал, что ей отняли не только всю грудь, но и грудные ткани, в том числе и те, которые окружают грудную кость, ключицу, а также малые грудные мышцы. Этого уже было достаточно для того, чтобы впасть в депрессию. А ведь еще не были известны гормональные анализы, состояние лимфатических узлов. Но Ярослав вел себя так, словно его подруге всего лишь удалили зуб мудрости.

– У лилий очень сильный запах, – сказал я, тщательно скрывая свою неприязнь. – Будет лучше, если вы заберете их с собой.

Ярослав очень удивился, что я до сих пор нахожусь в палате.

– Делайте как хотите. Можете отдать их медсестрам, – небрежно бросил он через плечо и опять повернулся к Веронике.

Должно быть, букет он купил впопыхах, в первом же киоске, который работал круглосуточно. Я даже представлял себе, как он поспешно оставляет свой дорогой «Мерседес» на тротуаре и быстрой походкой направляется в павильон. «Господи, но почему у вас нет ничего приличного? – морщится он при виде поникших роз, непрезентабельных астр и дешевых гвоздик. – Мне нужно то, с чем не стыдно появиться в больнице». Продавец растерянна. Ночью редко приходится иметь дело с взыскательными клиентами. Она кивает на лилии. Он раздраженно соглашается, требуя оформить букет как можно быстрее, бросает на прилавок купюру и исчезает прежде, чем она успевает отсчитать ему сдачу.

Явиться к женщине с пустыми руками было не в его правилах, и, наверно, он очень гордился этим своим качеством. Немногие из числа его любовниц догадывались о том, что красивые жесты были просто частью его натуры. Он любил тешить не дам, а свое безмерное тщеславие.

– Я знаю, что ты звонил, – обратилась к нему Вероника, беря его руку в свою. – Конечно, ты беспокоился обо мне. Но было бы лучше, если бы ты оказался рядом со мной тогда, когда я пришла в себя.

– Поверь, детка, я этого хотел больше всего на свете, – бессовестно врал он, глядя ей в глаза. – Но обстоятельства – увы! – иногда оказываются сильнее нас. Но к чему теперь об этом говорить? Ведь теперь я с тобой.

Ему было проще купить букет цветов или безделушку, чем провести в этой палате, наполненной запахом антисептиков, весь день.

Мне больше делать здесь было нечего, и я ушел в ординаторскую. Лилии и в самом деле распространяли вокруг тяжелый, удушливый аромат, особенно невыносимый в теплую майскую ночь. Не колеблясь, я выкинул цветы из окна. Мне казалось, что они пахнут так же, как этот приторный Ярослав. Прошел час, и я начал дремать на кушетке, когда в дверь постучали. На пороге стоял Павлин, причем лицо у него было до крайности озадаченное.

– Я хотел поговорить с вами о состоянии вашей пациентки, – сказал он.

Уязвленный тем, что меня застали не в самом лучшем виде, я был не слишком любезен.

– Вообще у нас есть приемные часы. Кроме того, если я ничего не путаю, вашим лечащим врачом является заведующий отделением.

Ярослав был явно не в себе, поскольку, пропустив возражения мимо ушей, он уселся рядом со мной на стул.

– Вероника ведет себя странно. Она как-то сильно взвинченна, должно быть, еще не совсем отошла от наркоза. Представляете, она даже плакала.

– По-моему, это совершенно нормальная человеческая реакция, – сказал я, кое-как пригладив волосы. – Что вы хотите? Ей сделали серьезную операцию. Прогноз еще неясен.

Не думаете же вы, что она сейчас в состоянии вести с вами светскую беседу? Насколько я успел узнать Веронику, она держится просто блестяще.

– Это я создал ей такой настрой, – самодовольно пояснил Павлин. – Мы с Никой проштудировали всю специальную литературу и Интернет. Я старался до нее донести, что рак груди – это еще не конец жизни. Опухоль угрожает любому. Для этого достаточно родиться женщиной. Но замыкаться в себе не стоит. Медицина сделала большой шаг вперед, и рак превратился в весьма заурядное заболевание, которое лечится, как и всякое другое. Тысячи женщин оперируют каждый год, и они благополучно живут себе дальше.

– Боюсь, что наши бывшие пациентки вряд ли с вами согласятся, – сказал я. – Каждая такая операция, даже если она заканчивается благополучно, оставляет серьезный след на теле и в душе женщины. Ведь грудь – это предмет гордости и переживаний любой представительницы слабого пола. Вероника – женщина красивая, привыкшая к восхищению. Поэтому удаление груди может стать для нее серьезным испытанием...

– Ах, вы об этом? – перебил меня Павлин. – Бросьте эти предрассудки! Через несколько месяцев она сможет сделать восстановительную пластику. Хирурги сейчас делают настоящие чудеса. После операции у нее появится живая естественная грудь – точно такая же, какая была раньше! Медики сейчас научились восстанавливать грудь из живых тканей и кожи, взятых с живота или спины...

Я смотрел на него, и его идиотский оптимизм действовал мне на нервы. Интересно, был ли бы он сейчас так же благодушен и спокоен, если бы речь шла об удалении у него яичка? Смог бы он не растерять свой пафос, если бы «кудесники-медики» сделали из него евнуха? Бедная Вероника! Ведь пока речь даже не шла о реконструктивной операции. Речь шла о выживании.

– Я слышал, что в конце августа вы уже запланировали поездку на Лазурный Берег? – едва сдерживая бешенство, спросил я.

– Да, – подтвердил он. – Думаете, реально к тому времени провести пластическую операцию? Я хотел бы, чтобы Ника могла надеть купальник. Знаете, у нее восхитительная фигура.

– Извините, как ваше имя... – поморщился я.

– О! Я не представился. – Мужчина полез в портмоне и вынул оттуда белую визитную карточку, на которой значилось: «Ярослав Непомнящий, член гильдии российских рестораторов, член жюри конкурса «Золотая вилка», почетный член международного клуба «Мишленовские звезды». Дальше я не дочитал, довольно небрежно сунув визитку в карман халата.

– Так вот, Ярослав, – проговорил я негромко, – не знаю, читали ли вы об этом в Интернете, но только половина заболевших раком груди проживает более пяти лет, и лишь тридцать процентов выживших имеют шанс полностью победить страшную болезнь...

Я произнес эти цифры четко, жалея, что не могу вывести их жирно фломастером на его высоком, благородном лбу.

– ...это при том, что у медицины есть все технологии для полного излечения рака. Но для этого необходимо выявить болезнь на ранней стадии, когда заболевание протекает еще бессимптомно. В отношении Вероники сейчас сложно сказать что-то определенное. Опухоль была весьма обширная и глубоко расположенная. Мне очень хочется надеяться на то, что очаг болезни удален и окружающие ткани, а также лимфатические узлы не затронуты. Чтобы исключить возможные рецидивы, мы проведем ей, скорее всего, курс химиотерапии.

– При химиотерапии выпадают волосы, – не очень уверенно заметил Павлин. – Вы уверены, что это ей необходимо?

Он провел рукой по своим густым темно-русый волосам, едва тронутым на висках сединой. Его заботил собственный внешний вид.

– Главная задача врача – это излечение пациентки, – весомо сказал я. – Согласен, что цена выздоровления может показаться вам слишком высокой. Но если мы дадим болезни хотя бы минимальный шанс, то последствия нашего легкомыслия будут плачевны. Только поэтому при обнаружении опухоли мы действуем так решительно.

– Вы мне нравитесь, – заявил Ярослав, поднимаясь на ноги. – Только поэтому я прошу вас об одолжении. Не могли бы вы присматривать за Никой? Я заплачу...

Он полез в портмоне и вынул оттуда стопку денежных купюр. Я остановил его жестом руки.

– Нет, постойте! Так не делается.

– А как делается? – Он выглядел до крайности озадаченно.

– У вас уже есть врач. Это неэтично, в конце концов!

Рука Ярослава замерла лишь на несколько секунд. Потом он рассмеялся:

– О, не беспокойтесь! Мы не собираемся отодвигать в сторону вашего заведующего. Все, что касается медицинской части: лечения, наблюдения и рекомендаций, – это остается за ним.

– Что же вы предлагаете делать мне? – пришел мой черед удивляться.

– Сущую малость! – снисходительно улыбнулся он. – Видите ли, я – человек занятой, и я не могу проводить много времени с Никой. Я рассчитывал на силу ее характера и понимание, но, как показала наша встреча, немного переоценил ее возможности. Не могли бы вы заходить к ней чаще? Беседовать, интересоваться самочувствием, выполнять мелкие поручения? Я думаю, это вас не затруднит, и этот небольшой приработок станет приятным дополнением к зарплате.

Прежде чем я успел что-нибудь возразить, он уже засунул мне купюры в нагрудный карман. Во мне боролись противоречивые чувства. С одной стороны, мне очень хотелось крепко отчитать его и швырнуть деньги прямо ему в лицо. Мысль о том, как глупо будет выглядеть он в этот момент, грела мне душу. Но с другой стороны, мне представлялась хорошая возможность появляться в палате у Вероники. Зачем мне это было нужно, я сказать тогда не мог. Меня необъяснимо тянуло к этой женщине. Что это было: зарождающаяся любовь, сочувствие или любопытство, мне было неизвестно. Я знал одно: если я хочу быть рядом с Песецкой, мне следует погасить свою ненависть и принять условия Ярослава.

Должно быть, мои сомнения не укрылись от цепкого взгляда Павлина. Только он их растолковал по-своему.

– Никто не узнает, – подмигнул он мне.

Я кивнул. В моем кармане были не купюры, а входные билеты в заветную палату, где лежала Вероника...»

Глава 5

Должно быть, Дубровская заснула с тетрадью в руках, потому что пришла в себя стремительно, сразу же, как яркая полоска света разрезала потолок в гостиной напополам. Из прихожей доносились негромкие звуки, какая-то неясная возня, словно кто-то очень долго перебирал обувь, ворча, что не может найти нужную пару, а потом потратил немало усилий, чтобы ее надеть. Наконец на пороге комнаты появился сам блудный муж собственной персоной. Вид при этом у него был весьма помятый. Рубашка довольно небрежно была заправлена в брюки, а галстук и вовсе лежал на плече.

– А! Лиза! – обрадовался он, увидев жену, лежащую на диване. – Как прошел твой день?

Между тем напольные часы в углу показывали что-то около двух часов ночи.

– Прекрасно, – ответила она. – Судя по всему, ты тоже не скучал.

До нее явственно доносился запах спиртного. Похоже, ее муж хорошо провел время.

– А! – усмехнулся он. – Просто мы отмечали удачную сделку. Был наш партнер из Петербурга, еще несколько приличных парней из Калининграда. Бог даст, с их помощью мы сможем наладить замечательные контакты в Прибалтике. Представляешь, что это значит? Я выхожу на мировой уровень, дорогая! – Он посмотрел на нее так, словно уже правил миром. – Ты не возражала бы против небольшого домика на юге Франции?

– Не жадничай. – Она отвернула лицо, прячась от его настойчивого поцелуя. – У нас уже есть дом и квартира. На Лазурном Берегу мы уже были в отпуске.

– Ах, Лиза! – притворно вздохнул он. – Мысли масштабно. Я создаю свою собственную фармацевтическую империю, и в рамках одного города (и даже области) мне давно стало тесно. Я иду вперед и упорно тащу тебя за собой. Вот почему бы тебе не создать собственную юридическую фирму?

– Я об этом никогда не думала.

– Вот! – Он торжествующе поднял кверху палец. – А я о чем? Это еще раз доказывает, что ты не умеешь работать на перспективу. Собери под своим крылом опытных юристов, встань во главе, и вуаля! Собирай деньги!

– Мне нравится самой вести дела, и я вовсе не желаю становиться начальником, – возразила Лиза. – Тебе не кажется странным говорить об этом в два часа ночи? Тем более ты, как я вижу, нетрезв.

– Не дуйся, Лизка! – хихикнул он, толкнув ее плечом. – Могу я иногда устроить себе праздник? Подумаешь, посидел с ребятами в ресторане!

Дубровская спросила себя, были ли в их компании женщины, но озвучить свой вопрос не решилась. Ей не хотелось признаваться в том, что она ревнует, но и, кроме того, шансы услышать откровенный ответ были невелики. Ольга Сергеевна не раз предупреждала ее о том, что образцовая жена всегда должна держать руку на пульсе и знать в лицо всех партнеров мужа, его клиентов и секретарей. Сама она каждую неделю организовывала на дому деловые встречи мужа, обставляя их на самом высоком уровне. Свекру просто не было необходимости идти с друзьями в ресторан, когда в их доме всегда была вкусная еда, обворожительная нарядная хозяйка и великолепный кабинет, где вершились великие дела. Ольга Сергеевна всегда говорила, что в ресторанах и других значных местах всегда полно свободных и вульгарных женщин, готовых захомутать любого попавшего под хмель мужчину.

– Мне звонил Лыков, – вспомнил вдруг муж, раздеваясь. – Он остался доволен встречей с тобой. А еще он сказал, что ты умная.

«Когда женщине говорят, что она умная, значит, она – полная дура», – припомнилось вдруг Лизе выражение из одного известного фильма.

– Кстати, я передал твои координаты одному из наших клиентов.

– А что, у него тоже проблемы с женой? – подозрительно спросила Лиза. Ей вовсе не улыбалось стать адвокатом по бракоразводным делам. На взгляд Дубровской, они были самыми неприятными. Решая вопросы о разделе имущества и об определении места жительства несовершеннолетних детей, супруги не брезговали ничем. Вываливая на всеобщее обозрение свое грязное семейное белье, они лгали сами и заставляли лжесвидетельствовать друзей и знакомых, спешно прятали дорогие вещи, воровали друг у друга детей.

– Ему нужно составить брачный контракт, – заявил Андрей. – Я сказал, что ты в этом деле большой специалист.

Он направился в ванную, а Лиза так и осталась сидеть, поджав ноги на диванчике в гостиной. Клеенчатая тетрадка, которую она так и не дочитала, завалилась куда-то между подушками...

* * *

Утром Елизавета явилась в свой адвокатский офис немного осоловелая после ночи, проведенной в неудобной позе на диване. Разговоры с супругом о стратегии завоевания им фармацевтического рынка тоже не добавили ей бодрости, поэтому она мечтала о чашке горячего крепкого кофе. Включив в сеть электрочайник, Лиза разложила на столе материалы по делу Лыкова. До обеда она намеревалась просмотреть бумаги, которые еще вчера вечером ей передали из головного офиса «Княжьего двора». Работы было достаточно, тем более что господин Лыков требовал от нее как можно быстрее проект искового заявления. Должно быть, он не сильно надеялся на мирное решение своих проблем. У Нины просто не было шансов. Она могла отстоять права на гостиницу и ресторан, вот только ключи от сердца супруга давно хранились в цепких ручках соперницы.

У Лизы на столе стояла большая рамка с фотографией мужа, сделанной прошлым летом в отпуске. Андрей смотрел на нее вполоборота с легкой улыбкой на губах. Должно быть, ему было приятно, что его жена в своем новом офисе занимается правильными делами. Клеенчатая тетрадка, которую она так и не успела прочитать накануне, была убрана в ящик письменного стола. Дубровская кинула быстрый взгляд на снимок и принялась за работу. За два часа она просмотрела половину бумаг, делая для себя необходимые пометки. Все свободное пространство стола заняли кодексы и комментарии, а также сборники судебной практики, в которых Лиза пыталась найти решения по аналогичным делам. В таком виде и застал ее пожилой охранник, который через сутки нес вахту возле входа в офисное здание.

Мужчина постучал костяшками пальцев по двери и, не дожидаясь приглашения, вошел.

– Елизавета Германовна, – сказал он робко, озираясь по сторонам. – Вам передали пакет.

– Пакет? – переспросила Лиза, ожидая увидеть большое заказное письмо, десятки которых приходили ей по почте из следственных органов и суда. Но то, что принес охранник, действительно больше походило на пакет или небольшую посылку. На внешней стороне было выведено ее имя, почему-то без адреса. Никаких марок, сургучных печатей, шпагатной опояски или еще чего-нибудь из обязательных почтовых реквизитов не наблюдалось вообще.

В тот момент это не показалось Лизе странным. Она кивнула охраннику и, едва дождавшись момента, когда за ним захлопнется дверь, вскрыла пакет. Там оказались деньги. Несколько пачек сторублевых купюр. К сумме прилагалась записка: «За защиту Виталия Бойко».

Елизавета перевернула лист так и эдак, а также тщательно исследовала сам пакет. Никаких пояснительных надписей ни на внутренней, ни на внешней стороне странного послания

не наблюдалось. Кто-то оплатил ей защиту Бойко и пожелал остаться инкогнито. Этот таинственный *кто-то* не потрудился обговорить с ней условия сделки, не заключил договор и даже не взял расписку. Этот *кто-то* не нуждался в гарантиях возврата денег, ведь она могла отказаться от защиты, а деньги как бы между прочим положить в свой карман. Конечно, это Лиза бы делать не стала, но тот, кто сыграл с ней такую странную шутку, не мог знать этого наверняка. Сумма была приличной, хотя и не фантастической, и некоторые ее маститые коллеги только бы пренебрежительно усмехнулись, получив такой гонорар по делу об убийстве. Господин Лыков обещал ей больше за свой развод. Но тем не менее это были настоящие деньги, которые, как говорится, просто так на дороге не валяются. Или все-таки валяются? Сама манера, в которой этот *загадочный некто* заключил с ней договор, словно заранее зная, что она с ним согласится, волновала ее, лишала покоя и даже вызывала внутренний протест. С чего *он* вдруг решил, что она возьмется за дело? Неужели он уверен, что, кроме того как защищать убийцу-врача, ей больше заняться нечем? Да у нее полно дел. Взять того же Лыкова! Если он не сподобится заключить с Ниной мировое соглашение, она прочно увязнет в его деле на несколько месяцев. А сколько судебной практики ей придется пересмотреть! Да и кроме Лыкова у нее есть небольшое уголовное дело («дельце», как ехидно бы заметили ее коллеги) за подделку водительского удостоверения. Правда, в нем она защищала не матерого мастера, а всего лишь водителя-недотепу, который, не мудрствуя лукаво, просто исправил ручкой нужную ему цифру. Еще несколько мелких гражданских дел, и все... Однако это не повод так просто закидывать в ее офис деньги!

Охваченная недоумением и недовольством, Лиза кинулась к охраннику. В руках она держала разорванный пакет, в котором кое-как помещались пачки денег.

– Кто это мне принес? – спросила она, стараясь унять учащенное дыхание.

– Женщина, – сглотнул охранник. Похоже, он и сам перепугался до смерти. Ведь его предупреждали ни в коем случае не брать подозрительные пакеты. – Вернее, это была девушка. Молодая и симпатичная. Она была так мила... что я даже ничего не заподозрил. А что-то не так?

– Когда это произошло? – строго спросила Дубровская.

Охранник пожал плечами:

– Совсем недавно.

– Я уже была в офисе?

– Да.

– Но почему вы тогда взяли пакет, а не посоветовали ей пройти прямо ко мне?

– Я так и сделал. Она прошла, но через пять минут вернулась и сказала, что вас нет в комнате. Ждать она не могла, потому что жутко торопилась. Она попросила меня об одолжении, и я принял пакет. Быть может, вы куда-нибудь выходили?

– Я отсутствовала не более пяти минут, потому что, гм... была в туалете. Ну, да ладно. Она сказала, что в пакете?

– Нет. А что там было?

Охранник вытянул шею, должно быть, ожидая увидеть в руках Лизы ручную гранату. Она машинально прикрыла пачки бумагой.

– Она представилась, кто она? Как можно с ней связаться?

– Нет. Она сказала, что вы все знаете. Она была так мила...

Похоже, девица и вправду была милашкой, раз у пожилого охранника напрочь отшибло соображение. В конце концов, странная посетительница могла оказаться террористкой!

– Вы хотите, чтобы я отдал ей пакет обратно? – бестолково спросил мужчина. – Ну, разумеется, если она еще придет.

Отдать ему деньги? Разумеется, нет. Кто его знает, вдруг взбалмошная девица вернется и, чего доброго, предъявит ей претензии. Хотя о каких претензиях можно вести речь, если

она даже не убедилась, что деньги попали по адресу. Дубровской не оставалось ничего другого, кроме как убраться в свою комнату, прижимая к груди растерзанный пакет. Она решила оставить деньги у себя. Означало ли это, что она уже приняла на себя защиту Бойко?

На столе трезвонил мобильник. Наскоро швырнув деньги в зияющий пустотой сейф и даже не закрыв дверцу, Лиза схватила трубку.

– Канцелярия областного суда, – представились на том конце провода. – Сегодня состоится предварительное слушание по делу Виталия Бойко. Мы вас ждем в шестнадцать часов.

– Какое слушание? – оторопела Лиза.

– Извините, это адвокат Дубровская?

– Да, это я.

– Тогда почему вы задаете вопросы? Просто приходите в четыре часа.

– Я? Ну, постойте... Это, должно быть, какая-то ошибка. Я еще не заключала соглашения с Бойко. Я вообще не решила, буду ли его защищать.

Она с опаской взглянула на пачки денег в разорванной упаковке.

– Отлично. Приходите и все это сами скажете судье, – со смешком заметила секретарь, должно быть, молоденькая девчонка.

В ухо понеслись гудки отбоя. Елизавета с досадой стукнула рукой по столешнице. Однако это уже переходило все границы! Ее сосватали в процесс, даже не поинтересовавшись тем, что она думает по этому поводу. Ее назначили, как это некогда делал заведующий их адвокатской коллегией Пружинин, подыскивая защитника по бесплатному делу. То была процедура, урегулированная законом, и у Елизаветы не возникало ощущения, что ее используют. Здесь же ей кинули денежную подачку и велели явиться на слушание. Что они там о себе думают? Кем приходится эта странная девица заключенному Бойко? Любовница? Родственница? Спонсор? Интересно, они согласовали такую линию поведения? Если так, то это очень глупо. Нельзя таким образом заставить адвоката работать. Можно, конечно, прижать ее к стенке и вынудить сидеть на слушаниях, но заставить против воли защищать, причем защищать эффективно, произносить пламенные речи, обязать просто невозможно. Да и что скажут они, если она просто не явится на заседание?

Поразмыслив хорошенько, Елизавета все же решила пойти в суд. Раздражать судью было неразумно. Кроме того, у нее будет замечательная возможность увидеть Виталия и сообщить ему, что она обо всем этом думает. Дубровская взглянула на часы. Было уже начало четвертого, и если она собиралась переговорить с обвиняемым еще до начала процесса, ей следовало поторопиться. На всякий случай она сунула в сумку пакет с деньгами. Быть может, ей удастся увидеть эту девицу в суде. Хотя это было маловероятно. Предварительное слушание по всем правилам проводилось в закрытом судебном заседании. Вход в зал для родственников, знакомых и просто зевак был невозможен. Но если она встретит девушку в коридоре... Стоп! Как она ее узнает? У Дубровской не было особых примет, кроме того, что ее доверительница была молода, хороша собой и еще... Еще она любила духи с нотками лаванды. Глубокий, волнующий аромат был еле различим в глубине разорванного пакета...

* * *

Областной суд встретил Елизавету гулкой тишиной коридоров. Поднявшись в канцелярию суда по широкой мраморной лестнице, она предъявила адвокатское удостоверение и попросила о встрече со своим подзащитным. Молоденькая девочка-секретарь рассмотрела ее без особого интереса и велела следовать за ней. Они прошли по темной, без единого оконца лестнице, не такой парадной, как та, которая предназначалась для посетителей. Здесь водили заключенных, поэтому внешние изыски были совершенно необязательны. Они долго

спускались вниз, в подвальное помещение, пока не оказались перед металлической массивной дверью с глазком. Их пустили после первого же звонка.

– Адвокат к Бойко! – звучно отрапортовала девица и, повернувшись к Елизавете, попросила: – Пожалуйста, недолго. Заседание начнется ровно в четыре. У вас пятнадцать минут.

Что можно сделать или сказать за пятнадцать минут? Хорошенько отчитать Бойко? Швырнуть деньги? И то, и другое было неразумно. Поэтому Елизавета, вдохнув полную грудь воздуха и едва не поперхнувшись вонью, смело двинулась по проходу между рядами зарешеченных боксов. В них уже было полно заключенных. Был конец рабочего дня, и многие подсудимые после процесса дожидались момента, когда их отправят по следственным изоляторам. В помещении стоял гул множества голосов и смрад от обилия плохо мытых тел и дешевого курева. То тут, то там раздавались нагловатые возгласы. Заключенные, одуревшие от тоски по женщинам, встречали ее появление бурным восторгом.

– О, детка! Ты случайно не ко мне?

– Интересно, сколько стоит такой адвокат?

– Цыпа, черкни телефончик!

Дубровская, сжав зубы, пробиравась вперед, пытаясь отыскать среди заключенных знакомое лицо. Конвоиры и не думали ей помогать. Сидя за дальним столом у двери, они азартно резались в карты.

– Елизавета Германовна! – раздался вдруг взволнованный голос. – Как хорошо, что вы пришли.

Жаль, что сама Дубровская не могла обрадоваться встрече. Бурные события этого дня привели ее не в самое благодушное настроение.

– Здравствуйте, Виталий! – произнесла она, стараясь, чтобы ее голос не звенел от гнева, но сделать это было непросто. – Я не ожидала, что вы так со мной поступите. Скажу прямо, я возмущена вашей беспардонной вербовкой.

– Боюсь, я вас не понимаю, – пробормотал Бойко, ошалеv от ее натиска.

Но Дубровская уже не думала отступать. Ее клиент довольно натурально изображал удивление, и это злило ее еще больше. Наверняка он видел в ней идиотку, которую легко обмануть жалостливым письмом и дневником с воспоминаниями. Она не удивится, если узнает, что идею он заимствовал из какой-нибудь малобюджетной американской мелодрамы. Посылка с деньгами была подброшена на случай, если она окажется не столь чувствительной натурой, как ожидалось. По той же причине подруга Бойко оставила деньги у охранника. Сообщники рассчитывали если не на впечатлительность, то на совесть адвоката, и, судя по всему, расчет оказался верным.

– А я думаю, что вы все понимаете. Не прикидывайтесь удивленным. Ведь это вы попросили подкинуть мне в офис деньги? – говорила Лиза, уже не заботясь о том, что их могут слышать другие заключенные.

– Я?! Деньги?! Вы с ума... Но я же нахожусь в изоляторе. Как я мог?

– Конечно, это сделали не вы. Но по вашей просьбе мне их принесла ваша знакомая. Кстати, она даже не удосужилась переговорить со мной, выяснив для начала, хочу я заниматься вашим делом или нет!

– А вы не хотите заниматься моим делом? – спросил Виталий, и голос его упал.

– Причина не в том, хочу ли я заниматься вашим делом. Мне просто категорически не нравится ваша манера нанимать адвоката! Вы что, всерьез думаете, что так можно добиться результата? В нашу последнюю встречу я посчитала, что вы даете мне время все обдумать и самой принять решение.

– Клянусь, я на это и рассчитывал!

– Интересно тогда, на что рассчитывала ваша маленькая подружка? – сказала Дубровская с такой обидой, словно ей вместо денег подкинули в офис резаную бумагу.

– Но я не просил об этом. Ума не приложу, кто бы это мог сделать!

Надо отдать ему должное, Виталий умел держать лицо. Даже сейчас, когда Дубровская приперла его к стенке неопровержимыми фактами и даже показала краешек пакета с деньгами, он вел себя так, словно она затеяла это разбирательство исключительно ради своей забавы. Должно быть, он тянул время и делал это осознанно, ведь предварительное слушание должно было начаться с минуты на минуту.

– Вот что, сударь! Вижу я, что откровенного разговора у нас с вами не получается, – с досадой заметила Елизавета. – Не представляю даже, как я вас могу защищать. Я настоятельно рекомендую вам обратиться за помощью к другому адвокату. Деньги я, разумеется, верну. К счастью, у меня нет нужды дрожать над каждой копеейкой!

Это было истинной правдой. Дубровская надеялась преподать Бойко урок, который он запомнит надолго. Если он рассчитывал получить от нее помощь, то отношения следовало выстраивать без интриг и лжи. Придя к нему в изолятор, она уже поступила великодушно. Но, видимо, Бойко относился к породе людей, предпочитающих сесть к другому на шею при первой же возможности. Не стоило ему играть на ее благородстве. Теперь она уйдет, предоставив ему возможность выпутываться из своих проблем самостоятельно. С судьей она как-нибудь разрешит недоразумение.

Лиза собиралась уже уйти, но Бойко вдруг, словно прозрев, стукнул себя ладонью по лбу:

– Господи боже! Так это же Софья. Как я сразу не догадался?

Заинтригованная, Лиза опять развернулась к нему.

– Так-так. Наконец-то начинаем вспоминать? Так кто такая Софья?

– Это моя родная сестра.

Дубровская усмехнулась. Определенно все мужчины скроены по одному шаблону. Поэтому в критической ситуации прибегали к одной и той же, не самой хитрой уловке, называя близких подруг сестрами. Так они делали, чтобы ввести в заблуждение других женщин, отношения с которыми по каким-то причинам не хотели портить. Хотя между Лизой и Виталием не было и тени интимности. Деловой контакт, не более того. Что изменилось бы, если бы экстравагантная гостя была и на самом деле любовницей Бойко? Тем не менее на лице Дубровской так явно отражалось недоверие, что Виталий поспешил с объяснениями.

– Она вчера была у меня на свидании и спросила, решил ли я что-нибудь насчет адвоката. Я признался, что хочу видеть в защитниках вас, но вы мне своего согласия еще не дали. Клянусь, я не обговаривал с ней эту странную авантюру с посылкой. Я даже не представляю, где она взяла деньги. Должно быть, копила на отпуск.

– Но как она меня нашла? – недоумевала Лиза.

– Я думаю, это не так сложно, если знать фамилию адвоката. Навести справки в адвокатской палате проще простого.

Дубровская прикусила язык. Она могла бы об этом и сама догадаться.

– Но почему, ради всего святого, она не встретила со мной лично? – воскликнула она, то ли боясь, то ли стремясь подловить его на лжи.

Виталий потупил взор. Казалось, что он страшно смущен.

– Видите ли, я не хотел вам об этом говорить, – замялся он. – Хотя вы и сами наверняка об этом догадываетесь. Все, что произошло со мной, стало настоящим испытанием для моей семьи. Отец сразу не одобрил мой брак с Вероникой и назвал меня альфонсом. Он не пришел на свадьбу и даже не прислал своего поздравления. Ну а когда жена умерла и разразился весь этот ужасный скандал, он просто вычеркнул меня из своей жизни и запретил Софье произносить при нем мое имя. Соня – послушная дочь. Для нее мнение отца значит слишком

много. Она не решилась вступить с ним в открытое противостояние. Правда, изредка, украдкой, все же позволяла себе встретиться со мной. Видите ли, мы всегда были с ней слишком близки. Эти деньги – прощальный привет мне.

– Почему «прощальный»?

– Потому что она сказала, что не сможет навещать меня. Ну а потом... Кто знает, чем закончится для меня этот процесс, – он мрачно усмехнулся. – Ведь теперь у меня нет даже адвоката. В камере мне говорили, что в любом случае защитника мне предоставят бесплатно. Как его? Дежурного адвоката, вот! Я слышал, что они не привыкли надрываться за просто так.

– Я долгое время была защитником по назначению, – зачем-то сказала Лиза. Быть может, ей стало обидно за своих коллег, многие из которых честно исполняют свой долг за скромное жалованье от государства.

– Я надеюсь, что мне повезет, – улыбнулся он. – И я встречу кого-то, очень похожего на вас, Лиза. Вы простите меня за то, что я так вас называю? Надеюсь, это не слишком испортит наши отношения.

Дубровская почувствовала себя неловко. Бог знает, почему она устроила ему такую проборку. Ей же заплатили. Подумаешь, не соблюли некоторые формальности: не встретились с ней лично, не обговорили гонорар. Но она вряд ли запросила бы больше. Честно говоря, у нее всегда с этим были проблемы. Ее муж то беззлобно подтрунивал над ней, то откровенно злился, говоря, что она не отработывает даже бензин, который тратит, курсируя между судами, милициями и следственными изоляторами.

– Вот что, Виталий, – сказала она после небольшой заминки. – Я же не отказывалась вас защищать. Просто задевает, когда какие-то вопросы за меня пытаются решить за моей спиной. Обещайте, что такое больше не повторится.

– Я обещаю, но кто знает, что взбредет в голову этой ослице? Кто бы мог сказать, что она до этого додумается. Но, как бы то ни было, она хотела мне только добра. Я же думал, что вы придете к этому решению добровольно. Не зря же я дал вам почитать свой дневник.

Дубровская не решилась признаться, что заветную тетрадку, в которой Виталий изливал свою душу, она так и не дочитала. Хорошо, что их прервал конвоир:

– Адвокат, ваше время истекло. Вам пора подниматься в зал...

Глава 6

Предварительное слушание – это важная процедура, предшествующая судебному разбирательству, и по всем правилам к ней нужно готовиться, а не сваливаться с луны, как это случилось в тот день с Дубровской. Она смотрела на бесстрастные лица судьи и прокурора, которая бойко набивала протокол, и спрашивала себя, как ее сюда занесло. Хорошо еще, что эта судебная стадия не предполагала участия самих присяжных. Здесь решались некоторые вопросы подготовки к будущему состязанию, однако считалось, что стороны вполне владеют материалами уголовного дела и могут заявить суду любые свои просьбы. Дубровская к этому была не готова.

– Подсудимый, вы поддерживаете свое ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных? – спрашивала судья, сдвинув очки на переносицу.

– Да, ваша честь! – отвечал Бойко, поднимаясь с места.

Дубровская отметила, что он выглядит спокойным и уверенным, хотя только Бог ведает, что ему это стоит. Но, во всяком случае, у него есть шанс произвести благоприятное впечатление на присяжных. Он – не выжига и не плут, если, конечно, подобные выводы можно делать по внешности. Он не прячет глаза, держится с достоинством, что не просто на скамье подсудимых.

– А почему вы выбрали присяжных? – спросила судья, изучая его так же, как это делала Елизавета. – Вы надеетесь на оправдание? Напрасно. – Она перелистала первый том дела, всем своим видом показывая, что ею лично все это давно изучено. – Вы знаете, у нас в суде давно не было оправдательных вердиктов. С чего вы решили, что повезет вам?

– Я не жду от присяжных оправдания, а только надеюсь на их объективность, – глухо сказал Виталий.

Судья переглянулась с прокурором. В ее взгляде сквозила ирония.

– Вот как? – спросила она. – Значит, вы не рассчитываете на объективность профессионального судьи?

– Нет, – четко ответил он. – Именно профессиональный следователь сфабриковал против меня обвинение, профессионал прокурор утвердил обвинительное заключение и направил материалы в суд. Теперь уважаемый профессиональный судья пытается отговорить меня от суда присяжных. В моем деле и так было слишком много профессионалов, пусть теперь свое мнение выскажут любители.

– Мне нужно знать, насколько обдуманно вы принимали решение, – возразила судья. – Может статься, что, увидев кандидатов в присяжные, вы вдруг откажетесь от идеи доверять свою судьбу любителям, но будет поздно. То решение, какое вы примете сейчас, будет окончательным.

– Я это понял.

– Вы консультировались с защитником?

– Да. Мой адвокат Дубровская поддержала меня.

Елизавета, почувствовав на себе взгляд судьи, слегка приподнялась с места и кивнула. Она знала, что по закону судья обязан удостовериться в том, что подсудимый принимает решение взвешенно, руководствуясь здравым смыслом, а не напутствиями сокамерников: «Выбирай присяжных, и оправдание у тебя в шляпе!» Но на практике судьи чаще всего пытаются отговорить подсудимого, страшая непредсказуемостью судей от народа. Суд присяжных – настоящий геморрой для тех, кто боится состязания. А вдруг проиграешь?

– Ваше дело особенное. Вы – врач, – продолжила разговор судья. – Наши люди, в большей своей массе, имеют негативный опыт общения с представителями вашей профессии. У

кого-то родственника залечили до смерти, кому-то отказали в необходимой помощи, кому-то нахамили, кого-то обобрали до нитки. Вы готовы принять на себя все их грехи?

– Но почему я должен это делать? – изумился подсудимый.

– Потому что вы – врач, – просто объяснила судья. – К тому же вас обвиняют не в краже и не в нарушении авторских прав, а в убийстве. Причем в убийстве, совершенном чисто медицинским способом. При помощи иглы и лекарства. Как вы думаете, пробудится ли у людей к вам сострадание?

– Но я не совершал убийства!

– Очень может быть, – пожала плечами судья. – Но некоторые врачи совершали. У вас есть возможность смотреть новости и читать газеты? Полюбопытствуйте. Сейчас таких случаев очень много. Так почему вы не один из них? Не боитесь оказаться разменной пешкой?

– Ваша честь! – не выдержала Дубровская, поднимаясь с места. – Мы с моим клиентом обговорили все нюансы защиты и постарались учесть все негативные моменты. Мы считаем, что суд присяжных дает нам шанс. Но если этого не случится и присяжные обвинят невиновного человека, судья всегда сможет их поправить. Ведь это позволяет закон?

Судья кашлянула.

– Как вам будет угодно. Значит, это ваше окончательное решение?

– Да! – хором ответили подсудимый и адвокат...

* * *

Вечером, после того, как был сервирован нехитрый ужин и все было съедено под монотонное жужжание телевизора, а посуда перемыта и поставлена на полки, Елизавета взялась за клеенчатую тетрадку. Благо Андрей был чем-то занят в кабинете. Она положила себе на колени дневник, а рядом уже раскрытую книгу, чтобы в случае необходимости сделать вид, что читает детектив. Лиза не была еще готова обсуждать вопрос о принятой на себя защите с Андреем. Бог весть, почему он так взъелся на незнакомого ему врача. Несколько раз за последние дни он упоминал вскользь имя Виталия, и каждый раз отзывался о нем весьма нелицеприятно. Может, обвинение, предъявленное хирургу-онкологу, каким-то образом задевало его профессиональную гордость? Чем-то подобным руководствовался и отец Бойко, запрещая дочери видеться с братом. Это было странно, потому что Лизе казалось, что корпоративная этика, а значит, и круговая порука среди врачей, была сильной. Ворон ворону глаз не выклюет.

Вот только Виталия Бойко клевали все, кому не лень. Даже государственный обвинитель, проходя мимо Лизы в судебном коридоре, не удержался и замедлил шаг. «Поздравляю, коллега, – сказал он насмешливо. – Как я понимаю, вам любая грязь нипочем». Это было для нее неожиданно, тем более что Дубровская с этим же прокурором не раз сидела в делах, где к суду привлекались преступные группы, промышлявшие разбоями, вымогательствами и теми же убийствами. Она развернулась к обвинителю, ожидая объяснений, но он только прошел мимо, бросив: «А дельце-то гаденькое!» – и ушел, оставив Лизу в полном недоумении. И вот сейчас, взяв в руки исповедь Виталия, она продолжила чтение, тем более что выбора у нее уже не было. Она все-таки стала защитником врача...

* * *

«Получив «благословение» поклонника Песецкой, я приступил к выполнению порученной мне миссии. Откровенно говоря, мне было на него наплевать. Павлин дал мне повод без помех видеться с Вероникой, но как она воспримет вторжение в ее личное пространство? Случай представился мне уже на следующий день.

Проходя по коридору, я увидел, что дверь в платную палату приоткрыта и там кто-то есть. Незваной гостьей, как я и ожидал, оказалась представительница компании «Орто», офис которой находился в здании больницы на первом этаже. Они предлагали людям, перенесшим операции, свою помощь в подборе и приобретении разного рода средств: от биндажей и эластичных бинтов до костылей и инвалидных колясок. Сейчас Веронику посетила одна из самых настойчивых распространительниц продукции компании. Ее резкий голос был слышен даже в коридоре.

– ...Я вам предлагаю отличный компрессионный рукав. Он защитит вашу ручку от травм и перенапряжения.

– Благодарю вас, – слышался спокойный голос Вероники, больше похожий на шелест листвы. – Моя работа не связана с физическими нагрузками. Я – актриса.

– Так вы, наверно, не знаете, зачем вам нужен компрессионный рукав! – обрадовалась женщина. – Я все сейчас объясню, деточка. При ампутации молочной железы, вот как у вас (как же вам все-таки не повезло!), удаляются подмышечные лимфатические узлы, отчего нарушается лимфоток. Появляется угроза лимфостаза – отека руки. Иногда это приводит к слоновости. Вы не сможете даже что-нибудь поднять, а удержать тем более. В то время как наш рукав...

– Довольно! – оборвала ее Вероника. – Я не хочу сейчас об этом слышать. Мне только вчера сделали операцию.

– Уже пора об этом подумать! – не унималась посетительница. – У нас есть отечественные образцы, причем с хорошей скидкой. Но вы – актриса и, должно быть, любите импорт? Шестьдесят пять долларов, и рукав ваш!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.